

Дело «Карой Надь (Károly Nagy) против Венгрии»¹

(Жалоба № 56665/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 14 сентября 2017 г.

По делу «Карой Надь против Венгрии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Ангелики Нуссбергер, *Председателя Большой Палаты,*

Линос-Александра Сисилианоса,

Луиса Лопеса Герра,

Андраша Шайо,

Ноны Цоцория,

Винсента А. де Гаэтано,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Андре Потоцкого,

Алеша Пейхала,

Кшиштофа Войтычека,

Валерия Грицко,

Юлии Моток,

Шиюфры О'Лири,

Карло Ранцони,

Жоржа Раварани,

Тима Эйке, *судей,*

а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, *заместителя Секретаря-канцлера Суда,*

рассмотрев дело в открытых слушаниях 12 октября и 7 декабря 2016 г. и 31 мая 2017 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 56665/09, поданной против Венгрии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных

свобод (далее – Конвенция) гражданином Венгрии Кароем Надь (далее – заявитель) 19 октября 2009 г.

2. Интересы заявителя представлял А. Чех (A. Cech), адвокат, практикующий в г. Будапеште. Власти Венгрии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Уполномоченным Венгрии в Европейском Суде З. Таллоди (Z. Tallódi).

3. Заявитель утверждал, что имело место нарушение его права, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции, взятой отдельно и в совокупности со статьей 14 Конвенции, в связи с отказом судов Венгрии рассматривать материальное требование, вытекающее из его службы в качестве пастора Реформатской церкви Венгрии.

4. Жалоба заявителя была передана в производство Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 1 декабря 2015 г. Палата этой Секции в следующем составе судей: Гвидо Раймонди, Председателя, Андраша Шайо, Небойши Вучинича, Хелен Келлер, Пауля Лемменса, Эгидиуса Куриса и Йона Фридрика Кьельбро, судей, а также Стенли Найсмита, Секретаря Второй Секции, – объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу в отношении нарушения статьи пункта 1 статьи 6 Конвенции в части гражданского разбирательства, которое привело к вынесению решения Верховным судом Венгрии от 28 мая 2009 г., а в остальной части – неприемлемой, и постановила четырьмя голосами «за» при трех – «против», что не было допущено нарушения статьи 6 Конвенции. К Постановлению были приложены Совместное частично совпадающее и частично особое мнение судей Раймонди, Келлер и Кьельбро, а также совместное особое мнение судей Шайо, Вучинича и Куриса. 9 июня 2015 г. заявитель обратился с ходатайством о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 2 мая 2016 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила его ходатайство.

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен согласно пунктам 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилу 24 Регламента Суда. В ходе заключительного обсуждения Ангелика Нуссбергер заменила Луиса Лопеса Герра на посту Председателя Большой Палаты Европейского Суда. Последний судья и Андраш Шайо, сроки полномочий которых истекли в ходе разбирательства, продолжали рассматривать это дело (пункт 3 статьи 23 Конвенции и пункт 4 правила 23 Регламента Суда). Запасной судья Андре Потоцкий заменил Марко Бошняка, который не смог принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

6. Заявитель и власти Венгрии представили письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). Кроме того, были получены замечания третьей стороны, «Союза в защите свободы» (Alliance Defending Freedom), которо-

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (примеч. редактора).

² Настоящее Постановление вступило в силу 14 сентября 2017 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

му Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил вступить в производство по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

7. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 12 октября 2016 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Венгрии:

З. Таллоди, Уполномоченный Венгрии в Европейском Суде,

М. Веллер, соуполномоченный Венгрии в Европейском Суде;

(b) со стороны заявителя:

А. Чех, адвокат,

М. Надь,

Б. Вархальмь (B. Várhalmi), консультанты.

Европейский Суд заслушал выступления А. Чеха и З. Таллоди и их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1951 году и проживает в г. Гёдёллэ (Gödöllő).

9. В 1991 году заявитель занял должность пастора в Реформатской церкви Венгрии (*Magyar Református Egyház*). Его права и обязанности, а также размер его жалования были изложены в письме о назначении, направленном Советом пресвитеров Реформатского прихода г. Гёдёллэ 14 декабря 2003 г. (далее – письмо о назначении). В соответствующих частях письма о назначении указано следующее:

«I. Обязанности пастора

Выполнять задачи, определенные церковными законами и правовыми нормами, в частности, те, которые изложены в Статуте 1994 года № II о пасторах и пастырском служении и кодексе поведения Придунайского церковного округа. Ожидается, что пастор будет выполнять вышеупомянутые задачи в духе своей присяги и в меру своих возможностей.

Кроме того, в соответствии с особыми потребностями его церковной общины обязанности пастора включают следующие: осуществление прав и обязанностей по управлению, как подробно описано в Статуте Реформатской церкви Венгрии 1995/I о государственном образовании...».

10. В июне 2005 года в отношении заявителя было возбуждено дисциплинарное дело за заявления, сделанные им в местной газете¹. В то же время церковный суд первой инстанции немедленно приостановил службу заявителя до принятия реше-

ния по существу дисциплинарного дела. Заявитель получил письмо, в котором сообщалось, что в соответствии со статьей 82(1) Статута 2000 года № I о юрисдикции Реформатской церкви Венгрии на период его временного отстранения от должности он имел право получать 50% от своего жалования.

11. Заявитель утверждал, что после отстранения от должности он направлял письма главе церковной общины и уполномоченному епископу с требованием выплатить ему причитающееся жалование, но безрезультатно.

12. 27 сентября 2005 г. церковный суд первой инстанции пришел к выводу, что заявитель совершил дисциплинарные проступки, и уволил его со службы. Заявитель обжаловал это решение, 28 марта 2006 г. церковный суд второй инстанции оставил его без изменения.

13. 26 июня 2006 г. заявитель обратился с иском в Суд по трудовым спорам медье² Пешта, добиваясь выплаты 50% его жалования и других пособий, на которые, по его мнению, он имел право в период его временного отстранения от должности. Утверждая, что его временное отстранение от должности достигло предусмотренного законом максимального срока 21 октября 2005 г., он также добивался выплаты всего жалования с этой даты до даты прекращения его службы, то есть до 30 апреля 2006 г. По существу он утверждал, что его церковное служение аналогично работе по найму.

14. 22 декабря 2006 г. Суд по трудовым спорам прекратил производство по делу в соответствии с подпунктом «а» статьи 157 во взаимосвязи с подпунктом «f» пункта 1 статьи 130 Гражданского процессуального кодекса, постановив, что требование заявителя не может быть приведено в исполнение внутригосударственными судами («*a felperes kereseti kérelmében foglaltak bírói úton nem érvényesíthető igények*»). В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Статута 2000 года № I о юрисдикции Реформатской церкви Венгрии служение пастыря в церкви регулировалось церковным правом, в то время как работа мирянина в церкви регулировалась государственным трудовым правом. Соответственно, поскольку рассматриваемый спор касался служения заявителя в качестве пастора, в данном случае не применялись положения Трудового кодекса. Это решение было оставлено в силе после его обжалования. Заявитель не обращался с ходатайством о пересмотре решения в Верховный суд Венгрии.

15. 10 сентября 2007 г. заявитель обратился с гражданским иском против Реформатской церкви Венгрии в Центральный суд медье Пешт, в соответствующих частях которого указывалось следующее:

«Вознаграждение за службу истца, как описано в письме о назначении, составляло... Кроме того, истец имел право на получение надбавки за воз-

¹ Заявитель был уволен за сообщение о незаконном получении государственных субсидий кальвинистской школой-интернатом (примеч. редактора).

² Медье – административно-территориальная единица (район) Венгрии (примеч. редактора).

раст в размере... Истец также занимался преподавательской деятельностью, за которую он получал... в месяц.

23 июня 2005 г. ответчик временно отстранил истца от должности пастора и восстановил его в служебном реестре, что означало, что он был освобожден от всех обязанностей до дальнейшего уведомления. Ответчик выплачивал истцу жалование пастора до 30 июня 2005 г., а зарплату за преподавательскую деятельность – до 1 июня 2006 г. С учетом вышеизложенного ответчик причинил истцу ущерб, не выплатив суммы, причитающиеся истцу, в соответствии с их действующим юридическим соглашением.

Требования истца следующие:

I. За период с 1 июля 2005 г. по 21 июля 2005 г. выплатить ему ежемесячную сумму в размере...

II. За период с 22 по 30 апреля 2006 г. выплатить ему сумму в размере...

III. За период с 1 мая 2005 г. по 30 апреля 2006 г. (12 месяцев) выплатить невыплаченное вознаграждение за преподавание в размере...

Кроме того, я утверждаю, что истец счел правовую основу вышеуказанных выплат... как работу по найму и обратился в Суд по трудовым спорам с требованием о возмещении. Ввиду того, что вступившим в законную силу решением Суда медье Пешт... оставлено без изменения решение суда первой инстанции по трудовым спорам, который, со своей стороны, заявил, что мое участие в делах ответчика не квалифицируется как работа по найму, я, истец, настоящим требую в Центральном суде медье Пешт возмещения причиненного мне ущерба».

16. 11 декабря 2007 г. церковь-ответчик подала возражение на иск, предложив суду отклонить его.

17. 15 декабря 2007 г. заявитель подал еще одно представление в суд первой инстанции, в котором подробно изложил свои жалобы. В соответствующих частях этого представления отмечалось следующее:

«Пастырское служение истца было учреждено... на основании избрания Реформатским приходом г. Гёдёллэ и утверждено настоятелем церковного района, а также епископом церковного округа. Его условия были изложены в письме о назначении... которое оставалось в силе в течение периода, указанного в деле.

Пастырское служение осуществлялось истцом лично. Содержание и отправление служения не вызывали споров между сторонами. Пастырская деятельность истца была разнообразной. В частности, он отвечал за богослужения в приходе, например, обращался с проповедями, совершал таинства, проводил разъяснительную работу среди населения, евангелизацию, поддерживал связи между приходом и церковью и решал различные связанные с этим задачи пастырства, преподавания и управления, которые включали в себя обучение его помощника и заместителя пастора. Истец как пастор вместе со смотрителем представлял приход и занимался множеством других административных задач. В рамках своих пастырских обязанностей истец был также обязан участвовать в управлении и преподавании.

Ни установление отношений пастырского служения, ни содержание вытекающих из этого взаимных обязательств не являлись предметом какого-либо спора между заинтересованными сторонами.

Что касается правовой квалификации отношений пастырского служения как таковых... мы считаем, что деятельность истца лучше всего охарактеризовать как агентскую, поскольку ее содержание и характер соответствуют фактическим элементам обязательства в отношении средств, требующих личного участия. По вышеуказанной причине мы считаем, что соответствующими правовыми нормами являются нормы Гражданского кодекса об агентских договорах...

Несмотря на то, что настоятель ответчика, непосредственно вышестоящее лицо по отношению к истцу, уже подтвердил в письменном виде правовые основания и размер выплат за период приостановления обязанностей истца в своем письме от 22 июня 2005 г. ...фактически выплаты были сделаны лишь частично. Так, пастырское жалование выплачивалось только до 30 июня 2005 г., а плата за религиозное преподавание – только до 30 апреля 2005 г.».

18. Заявитель основывал свой иск в первую очередь на пункте первом статьи 277 и пункте первом статьи 478 Гражданского кодекса Венгрии (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела), добиваясь выплаты просроченных платежей, вытекающих из агентского договора, который, по его мнению, он имел с церковью. Он отмечал, что в период с 22 октября 2005 г., когда его временное отстранение от должности, как утверждается, стало незаконным, до даты прекращения срока его назначения на должность он имел право на вознаграждение за свои услуги, которое соответствовало жалованию за службу, установленную в его договоре. Таким образом, он добивался исполнения агентского договора. В качестве альтернативы он основывал свой иск на части первой статьи 318 и части первой статьи 339 Гражданского кодекса Венгрии, в которых предусматривалось возмещение ущерба за нарушение агентского договора, который он предположительно заключил с церковью-ответчиком.

19. 2 января 2008 г. Центральный суд медье Пешт оставил иск заявителя без удовлетворения, указав следующее:

«Согласно положениям Закона IV 1959 года о Гражданском кодексе агентский договор... является взаимной юридической сделкой (статья 474). Такие сделки рассматриваются Гражданским кодексом как договоры материального обмена, поскольку Гражданский кодекс в соответствии с пунктом первым его статьи 1 обычно регулирует имущественные права.

Договоры по определению заключаются между сторонами, имеющими общие материальные интересы: они нуждаются в любой ценности, которую может предложить другая сторона. Целью договора является получение такой ценности друг от друга.

В соответствии с пунктом первым статьи 201 Гражданского кодекса взаимные имущественные услуги являются договорами с надлежащим встречным удовлетворением, за исключением безвозмездных двусторонних сделок, в которых одна сторона оказывает материальную услугу, в то время как другая не обязана делать это. Предполагаемый агентский договор между истцом и ответчиком может быть безвозмездным, если агент не получает оплаты от принципала, если только истец не сделал никаких заявлений на этот счет. Совсем наоборот: он подал иск с явным намерением получить материальную выгоду от ответчика. Таким образом, можно сказать, что истец основывал свое требование не на возмездном агентском договоре, как это предусмотрено в пункте первом статьи 478 Гражданского кодекса.

С учетом вышеизложенного это потребовало от истца предоставить какую-либо материальную услугу, выгоду или условия взамен с четко определенной рыночной стоимостью. Пастырское служение, осуществляемое истцом (согласно приложению № 3 оно также включало проповедование, совершение таинств, проведение разъяснительной работы среди населения, евангелизация, решение различных задач пастырства, преподавание и тому подобное), однако не квалифицируется как материальная услуга. Это во всех смыслах и целях и есть религиозная деятельность.

Если обязательство о взаимно согласованном поведении не является безвозмездным, а поведение одной из сторон не имеет материальной ценности, то согласно нормам Гражданского кодекса не может идти речь о гражданско-правовом договоре с надлежащим встречным удовлетворением.

Агентские договоры, как и все договоры, основываются на взаимном соглашении: одна сторона делает официальное предложение, содержащее все ключевые элементы сделки, другой стороне, которая, в свою очередь, выдает акцепт (см. пункты первый и второй статьи 205, а также статьи 211, 213 и 214 Гражданского кодекса). Заинтересованные стороны могут свободно договариваться об условиях на основе юридического равенства.

Представленные документы свидетельствуют о том, что назначение истца на должность было церковным процессом, сроки его службы были изложены в письме о назначении... составленном Советом пресвитеров его прихода. Ответчик и его должностные лица осуществили различные права по отношению к истцу (временное отстранение от должности, выговор церковного суда, перемещение в служебный реестр, понижение в должности и т.д.). По смыслу Гражданского кодекса стороны не согласовали детали службы, и истец стал пастором по назначению, а не в результате заключения обязательного к исполнению соглашения. Из-за отсутствия правового паритета между истцом и ответчиком истец как гражданско-правовая сторона не вступал в правоотношения с другой гражданско-правовой стороной.

Отсутствие обязательного к исполнению соглашения означает, что первичное требование истца со ссылкой на статьи 277 и 478 Гражданского кодекса является недостаточным для обоснования его позиции по делу.

В соответствии со статьей 318 Гражданского кодекса применяются нормы деликтной ответственности за нарушение договора. Кроме того, отсутствие обязательного к исполнению соглашения означает отсутствие нарушения договора или причинения какого-либо материального ущерба. С учетом этого второй иск истца также является необоснованным.

Признание задолженности согласно законодательному определению и практике является договорным институтом, которое позволяет одной стороне утверждать о своем финансовом обязательстве перед другой стороной. Заявления, вытекающие из отношений, не зависящих от гражданского законодательства, по этой причине в соответствии со статьей 242 Гражданского кодекса не являются ни действительными, ни обязательными к исполнению. Письмо, представленное истцом (неразборчивый регистрационный номер) в качестве подтверждения долга, в этом контексте, скорее, не имеет значения: отправитель не является юридическим представителем ответчика, не может поддержать его мнение или даже поделить им.

Представленные истцом документы и заявления были достаточными для рассмотрения дела. Поскольку иск был необоснованным, размер оспариваемой суммы не был определен. Заслушивания епископа... и настоятеля церковного округа... были также сочтены ненужными, так как их мнения занимают важное место в документах и охватывают все необходимые аспекты».

20. 27 января 2008 г. заявитель подал жалобу на решение суда первой инстанции. 12 октября 2008 г. церковь-ответчик в ответ подала заявление, в котором просила суд отклонить иск заявителя.

21. 17 октября 2008 г. Будапештский областной суд оставил жалобу заявителя без удовлетворения и оставил без изменения решение суда первой инстанции со следующей мотивировкой:

«Суд первой инстанции правильно установил факты, и суд второй инстанции согласен с ним, но его решение отличается юридической мотивировкой.

Статья 13 Закона IV 1990 года предусматривает, что церковь и в соответствии с ее Уставом ее органы самоуправления являются независимыми юридическими лицами. В силу пункта 2 статьи 14 собственного Статута ответчика 1994 года № II об Уставе и управлении церковью церковный приход является таким юридическим лицом. Статья 29 того же статута определяет письмо о назначении в качестве договора для принятия на службу церковнослужителей.

Письмо о назначении истца, детализирующее его пастырские обязанности и жалование, было направлено 14 декабря 2003 г. Реформаторским приходом г. Гёдёллэ. Это доказывает, что были установлены правоотношения между истцом и церковным приходом г. Гёдёллэ, независимым юридическим лицом.

В своей аргументации по делу... ответчик ссылался на статью 13 Закона IV 1990 года и пункт 2 статьи 14 собственного Статута ответчика 1994 года № II, таким образом подтверждая, что церковный приход г. Гёдёллэ... является независи-

мым юридическим лицом в составе Реформатской церкви Венгрии.

С учетом вышеизложенного суд второй инстанции пришел к выводу, что иск истца является необоснованным по отношению к ответчику, Реформатской церкви Венгрии».

22. 2 июня 2009 г. заявитель подал ходатайство о пересмотре дела в Верховный суд Венгрии, в котором он указал следующее:

«...Будапештский областной суд постановил, основываясь на письме о назначении, что у истца были правоотношения с приходом Реформатской церкви Венгрии г. Гёдёллэ. Однако, как мы уже неоднократно указывали, в письме о назначении не упоминаются лекции по церковной истории, которые истец читал в одной из церковных школ. Гонорар за эти лекции выплачивался ответчиком непосредственно истцу. Наши ходатайства о сборе доказательств были отклонены из-за решения суда первой инстанции, которое было отменено Будапештским областным судом, но именно отсутствие этих доказательств заставило суд второй инстанции проигнорировать разницу между характером вышеупомянутой деятельности и вознаграждением за нее.

В соответствии с пунктом первым статьи 200, пунктом первым статьи 198 и статьей 474 Гражданского кодекса правоотношения, а именно агентские, устанавливаются, когда одна сторона (агент) обязана предоставлять качественные услуги, а другая сторона [принципал] обязана оплачивать указанные услуги согласно договору. Что касается преподавания, то ответчик был единственным принципалом. Реформатский приход г. Гёдёллэ не имел к этому никакого отношения, что следует из того, что вознаграждение за преподавание определялось на основании государственных стандартов...

Решения судов, во-первых, лишь частично соответствуют статье 221 Гражданского кодекса, которая устанавливает требование полного обоснования, а во-вторых, представляют собой нарушение многочисленных положений Гражданского кодекса, а именно пункта первого статьи 221, пункта первого статьи 200, пункта первого статьи 198, и многое из содержания статьи 474 Гражданского кодекса. В связи с отклонением наших ходатайств о сборе доказательств противоречивые решения судов не основываются на истинном характере материальной услуги, которой обмениваются стороны, и рассматривают пастырское служение и преподавание в церковной школе как одно и то же, несмотря на то, что эти действия значительно отличаются друг от друга как по характеру, так и по способу исполнения...».

23. Церковь-ответчик ответила на это ходатайство своим представлением, датированным 28 марта 2009 г.

24. 28 мая 2009 Верховный суд Венгрии прекратил рассмотрение дела, установив следующее:

«Истец возбудил иск специально для того, чтобы предъявить требования о выплате гонораров, вытекающие из его договорных отношений с церковным приходом г. Гёдёллэ, содержащиеся в письме о назначении. Он не сделал каких-либо ссылок на договор между ним и церковным при-

ходом г. Гёдёллэ о преподавании истории церкви, а также не претендовал на какую-либо плату в связи с таким договором. Он впервые выдвинул иск в отношении данного договора в своем ходатайстве о рассмотрении дела [Верховным судом]. Следовательно, тот факт, что нижестоящие суды не проанализировали эти договорные отношения между сторонами и не приняли доказательств по этому вопросу, не может считаться упущением с их стороны...

Для определения норм, применимых к соответствующему соглашению и осуществлению вытекающих из него прав и обязанностей, необходимо учитывать саму цель соглашения, лежащего в основе фактического требования истца, а также его элементы, определяющие права и обязанности сторон. Суд первой инстанции справедливо указал, что соглашение, являющееся основанием для требования заявителя, не является агентским договором по гражданскому праву или соглашением, заключенным сторонами, пользующимися личной автономией в области маркетинга [товаров и услуг]. Истец был назначен пастором в церковном порядке, и обязанности ответчика были определены в письме о назначении, направленном собранием пресвитеров. Стороны установили между собой отношения пастырского служения, регулируемые церковным правом.

В силу пункта 1 статьи 15 Закона 1990 года № IV «О свободе совести и религии и церквях» церковь отделена от государства. В соответствии с пунктом 2 данной статьи не может использоваться никакое государственное принуждение для обеспечения соблюдения внутренних законов и правил церквей.

Опираясь на вышеуказанные положения, заявитель может обратиться с иском на основании церковного права в уполномоченные органы Реформатской церкви. Тот факт, что договор, заключенный в соответствии с церковным правом, напоминает договор, заключенный согласно Гражданскому кодексу, не влечет за собой юрисдикции государства или возможность принудительного осуществления требования в судебном порядке по смыслу статьи 7 Гражданского кодекса. (В данном конкретном случае не удалось также установить основные элементы агентского договора и его исполнение.)

Суд по трудовым спорам пришел к такому же выводу в ходе предыдущих разбирательств при рассмотрении иска на основании государственного трудового права и при отказе в его исполнении в судебном порядке.

Суд первой инстанции был прав, указав, что, поскольку оспариваемое соглашение не имеет гражданско-правовой основы, суд не может рассматривать второе требование заявителя (о компенсации за нарушение договора). Исходя из вышеизложенного не было представлено оснований для вынесения решения по существу его иска.

Соответственно, Верховный суд отменяет окончательное судебное решение, включая решение суда первой инстанции, и прекращает производство по делу в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 130 и подпунктом «a» статьи 157 Гражданского процессуального кодекса...».

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕНГРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКОН ВЕНГРИИ

1. Конституция Венгрии

25. Конституция Венгрии (Закон 1949 года № XX), в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривала следующее:

«...Статья 57

(1) В Венгерской Республике все равны перед законом, и каждый имеет право на то, чтобы выдвинутые против него любые обвинения или его права и обязанности в любом процессе были рассмотрены на справедливом и открытом заседании независимого и беспристрастного суда, установленного законом...

Статья 60

(1) В Венгерской Республике каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии.

(2) Это право включает в себя свободный выбор или принятие религии либо другого духовного убеждения и свободу проявления своей веры и убеждения или игнорирование такого проявления, отправление или проповедование таких религий посредством свершения религиозных действий, обрядов или другим образом как индивидуально, так и совместно с другими, лично или в группе.

(3) В Венгерской Республике церковь действует отдельно от государства...

Статья 70/В

(1) В Венгерской Республике каждый имеет право на труд, на свободный выбор профессии и рода занятий.

(2) За равный труд, без какого-либо различия, каждый имеет право на равную заработную плату.

(3) Каждый трудящийся имеет право на такой доход, который соответствует количеству и качеству выполненного им труда».

2. Гражданский кодекс Венгрии

26. Положения Гражданского кодекса Венгрии (Закон 1959 года № IV) в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривали следующее:

«Пункт 1 статьи 7

Всякий и каждый государственный орган обязан защищать права, установленные законом. Если законом не предусмотрено иное, эти права обеспечиваются в судебном порядке...

Пункт 1 статьи 200

Стороны договора вправе самостоятельно определять содержание своего договора, и они вправе

по взаимному согласию отступить от положений, касающихся договоров, если такое отступление не запрещено правовыми нормами...

Пункт 1 статьи 204

Следующие исковые требования не могут быть предъявлены в суде:

(а) исковые требования, связанные с азартными играми или ставками, за исключением случаев, когда азартные игры или операции по ставкам были разрешены государством;

(b) исковые требования, связанные с кредитом, обещанным или предоставленным специально для целей азартных игр или ставок;

(с) исковые требования, которые не могут быть предъявлены через государственный орган в силу закона...

Статья 205

(1) Договоры заключаются при взаимном и согласованном выражении намерений сторон.

(2) Основополагающее значение для действительности договора имеет достижение сторонами соглашения по всем существенным вопросам, а также по вопросам, которые считаются существенными любой из сторон. У сторон отсутствует необходимость согласовывать вопросы, которые регулируются законодательными положениями...

Пункт 1 статьи 339

Лицо, причиняющее ущерб другому лицу в нарушение закона, несет ответственность за такой ущерб. Лицо освобождается от ответственности, если оно в состоянии доказать, что действовало таким образом, который в целом можно было ожидать в данной ситуации...

Статья 474

(1) Агентские договоры заключаются с целью обязать агента выполнять порученные ему задачи.

(2) Агент должен выполнять указания принципала и представлять его интересы в объеме предоставленных ему полномочий...

Пункт 1 статьи 478

Принципал уплачивает соответствующее вознаграждение, если обстоятельства или отношения между сторонами не предполагают, что агент принял на себя представительство без какого-либо вознаграждения...».

3. Гражданский процессуальный кодекс Венгрии

27. Гражданский процессуальный кодекс Венгрии (Закон 1952 года № III) в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривал следующее:

«...Пункт 1 статьи 121

Исковое производство возбуждается путем подачи искового заявления. В исковом заявлении указываются:

(а) суд надлежащей подведомственности;

(b) имена и адреса сторон и их адвокатов, а также их процессуальный статус в деле;

(c) основание для иска, включая представление обстоятельств, которые указаны в иске, и описание доказательств, подтверждающих требование;

(d) основания для подведомственности и подсудности суда;

(e) ходатайство о вынесении судебного решения (пледирование)...

Пункт 1 статьи 130

(1) Суд отклоняет иск без издания повестки [то есть без рассмотрения по существу]... если можно установить, что...

(f) иск истца является преждевременным или не может быть приведен в исполнение во [внутригосударственных] судах... (*“a felperes követelése... bírói úton nem érvényesíthető”*)...

Статья 157

Суд прекращает рассмотрение дела:

(a) если иск уже был отклонен без издания повестки в соответствии с подпунктами “a”–“h” пункта 1 статьи 130...».

4. Закон 1990 года № IV «О свободе совести и религии и церквях» (далее – Закон о церквях)

28. Статья 15 Закона о церкви гласит следующее:

«(1) В Венгерской Республике церковь и государство разделены.

(2) Не может быть использовано государственное принуждение для обеспечения соблюдения внутренних законов и правил церкви».

5. Постановление Конституционного суда Венгрии № 32/2003(VI.4.)АВ

29. В своем Постановлении № 32/2003 Конституционный суд Венгрии рассмотрел вопрос о доступе к суду лиц, находящихся на службе в религиозных образованиях. В соответствующих частях этого постановления указывалось следующее:

«1.1. Заявитель работал в Реформатской церкви Венгрии... преподавателем... 14 апреля 1995 г. заявитель согласился, приняв к сведению предложение студентов, и по предложению епископа церкви, при определенных условиях уйти в отставку. После этого он просил возбудить дисциплинарное разбирательство и оспорил заявление о своей отставке. В своем решении... председатель Синодального суда церкви вынес ему выговор в письменном виде и установил, что не представлено доказательств, способных послужить основанием для отзыва или оспаривания его заявления. Синодальный суд также признал его иск о возмещении ущерба необоснованным. Жалоба заявителя на это решение была отклонена президиумом Синодального суда, за исключением письменного выговора.

1.2. Заявитель подал иск о возмещении ущерба в суд медье Дебрецена против... Реформатского церковного округа... и университета... Истец-

заявитель просил суд медье установить, что соглашение, которое он заключил с епископом церковного округа на момент его отставки на указанных им условиях, действительное вступило в силу, но из-за нарушения договора ответчиком не было выполнено. Он также просил суд медье установить ответственность ответчика за ущерб...

...Областной суд Хайду-Бихар (*Hajdú-Bihar*)... прекратил производство и передал дело в Синодальный суд. В мотивировочной части... областной суд указал, что в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Закона о церкви 1994 года № II об уставе и управлении церковью... и статьи 49 церковного Статута № VI о церковном законодательстве 1967 года (*az egyházi törvénykezésről szóló 1967. évi VI. egyházi törvény*) требования истца относились к компетенции Синодального суда.

1.4. ...Синодальный суд, приступив к рассмотрению дела после его передачи, установил отсутствие у него компетенции и вернул дело в [государственный суд]... Синодальный суд постановил, что пункт 1 статьи 9 Устава церкви является не процессуальным, а материально-правовым положением, которое означает, что в делах, касающихся служебных отношений аттестованных на должность пастырей, нанятых церковью, материально-правовыми “законами”, которые должны применяться любым судом первой инстанции, являются внутренние правила церкви.

Согласно статье 1 Статута о церковном законодательстве церкви подведомственны дисциплинарные и административные вопросы, отнесенные к компетенции суда законом церкви. Более конкретные полномочия содержатся в Статуте о церковном законодательстве: статья 43 и 44, относящихся к дисциплинарным делам, и в статье 49, касающейся перечисленных в ней административных дел. По мнению Синодального суда, обращение заявителя в суд не касалось дисциплинарного дела, а также не могло быть отнесено ни к одному из административных дел, перечисленных в практически исчерпывающем списке (статья 49). Следовательно, церковные суды не только не обладали компетенцией, но и не обладали “подсудностью” для рассмотрения обращения...

В соответствии с пунктом третьим статьи 60 Конституции Венгрии принцип разделения церкви и государства запрещает вмешательство государства в религиозные вопросы и внутренние дела церквей. Соблюдение церковных правил, регулирующих внутренние церковные отношения между церквями и их членами, может быть обеспечено церквями или их уполномоченными органами в ходе процедур, определяемых церквями.

Исходя из государственных законов и отдельно действующих церковных правил нельзя исключать, что схожие правовые отношения могут регулироваться двумя различными системами норм. Между церковью и ее членами могут существовать отношения, регулируемые внутренними церковными правилами, и при исполнении которых не может быть задействован никакой государственный орган. Однако между одними и теми же сторонами могут существовать также правовые отношения, определяемые и регулируемые законами государства, включая соответствующие имеющиеся средства правовой защиты. Права и обязанности, следующие из правоотношений,

основанных на законах государства, могут осуществляться с помощью принуждения со стороны государства.

Основные права и обязанности, гарантируемые Конституцией, ограничивают законы государства. В соответствии со своим объективным обязательством по защите институтов государства «формирует законодательные и организационные условия, необходимые для реализации прав, надлежащим образом учитывая как свои задачи, связанные с другими основными правами, так и другие конституционные задачи, предусматривает преобладание различных прав, которые являются наиболее благоприятными для всего [правового] порядка, и тем самым способствует гармонии основных прав»... Государство должно уважать автономию церквей и церковных органов. Однако признавая автономию церквей, необходимо учитывать и другие основные права и обязанности. Таким образом, право на церковную автономию, включенное в принцип разделения церкви и государства в соответствии с пунктом третьим статьи 60 Конституции, должно толковаться в контексте других основных прав, закрепленных в Конституции за физическими лицами...

В соответствии с основополагающим правом на доступ к суду лицо, служащее в церкви, имеет [так же, как и любой другой гражданин] конституционное право обратиться в государственный суд с тем, чтобы разрешить его правовой спор относительно его работы по найму, если его работа основана на внутригосударственном законодательстве.

Государственные органы должны определять в соответствии с Конституцией и положениями, указанными в Законе о церкви, относится ли вопрос, возникший в связи с тем или иным правоотношением, к компетенции государственного органа или суда. Следовательно, они должны установить в соответствии с законами государства, существуют ли между сторонами в данном случае правовые отношения, регулируемые законодательством государства. Если ответ утвердительный, то они должны определить соответствующие процедуры. Однако в тех случаях, когда государственный орган или суд устанавливает на основе государственных законов отсутствие своей подведомственности по делу, государственный орган или суд не должен, применяя церковные нормы, решать, какая церковь и в соответствии с какой процедурой должна разрешать данный спор, то есть государственный орган или суд не может толковать или применять церковные нормы. Вместе с тем отправление правосудия государством не должно приводить к выхолащиванию церковной автономии.

5. Что касается применения пунктов 1 и 2 Закона о церкви, то в резолютивной части своего постановления Конституционный суд сформулировал конституционное требование. Требование было сформулировано для того, чтобы при применении законов принцип разделения церкви и государства соблюдался бы с конституционным содержанием, не допуская исключений. Таким образом, обращение к религиозному нейтралитету государства не может привести к нарушению конституционного права на доступ к суду. При совместном толковании принципа отделения

церкви от государства и права на доступ к суду государственные суды обязаны определять существо правовых споров, касающихся регулируемых государственным законом прав и обязанностей лиц, находящихся на службе церкви, однако при этом судебными органами должна соблюдаться церковная автономия.

6.1. В резолютивной части своего постановления Конституционный суд установил конституционные требования в отношении применения пунктов 1 и 2 статьи 15 Закона о церкви. Конституционное требование было установлено для обеспечения того, чтобы принцип разделения церкви и государства применялся в юриспруденции без каких-либо исключений с конституционным содержанием. Соответственно, опора на принцип разделения церкви и государства не может привести к ущемлению конституционного права на доступ к суду. Рассматривая принцип разделения церкви и государства вместе с правом на доступ к суду, государственные суды обязаны разрешать по существу любой правовой спор, касающийся вытекающих из государственного закона прав и обязанностей лица, находящегося на служении церкви, уважая при этом также автономию церкви...».

6 Руководящее разъяснение Верховного суда Венгрии № ВН 2004.5.180

30. В своем Руководящем разъяснении № ВН 2004.5.180 Верховный суд Венгрии пояснил, что производство по искам о личных правах, поданным в суды по гражданским делам, не может быть прекращено на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 130 и подпункта «а» статьи 157 Гражданского процессуального кодекса, даже если предполагаемый ущерб был причинен служащим церкви в ходе его церковной деятельности. В частности, Верховный суд Венгрии указал следующее:

«...Требование, представленное истцом, основано на статье 75 Гражданского кодекса, в отличие от внутренних правил церкви. Оно не относится к сфере действия статьи 204, и отсутствует закон, исключающий его из исполнения судом по гражданским делам по какой-либо особой причине.

Пункт 2 статьи 15 Закона о церкви, как об этом говорится в обязательном к исполнению решении, исключает только государственное принуждение в контексте обеспечения соблюдения внутренних законов и процедур. Иск истца касался его личных прав, а не обеспечения соблюдения этих внутренних законов и процедур, таким образом, суд второй инстанции был неправ, прекратив производство по делу из-за отсутствия правовых возможностей [для приведения в исполнение]...».

В. ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО РЕФОРМАТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЕНГРИИ

31. Следующие статуты являются внутренними нормами, принятыми Реформатской церковью Венгрии и не являющимися частью государственного законодательства Венгрии.

1. Церковный статут 1994 года № II об Уставе и управлении Реформатской церковью Венгрии

32. В соответствующих частях положения Церковного статута 1994 года № II предусматривается следующее:

«...Статья 9

(1) Церковное право применяется к отношениям служения и ответственности пасторов в церковном служении и других лиц в служении пастырского характера (церковных лиц), в то время как государственное законодательство применяется к трудовым отношениям всех других лиц, занятых в церкви.

(2) Церковь несет ответственность в соответствии с общими правилами деликтной ответственности за любой ущерб, незаконно причиненный ее членам или должностным лицам.

(3) Члены и должностные лица церкви несут ответственность за любой ущерб, незаконно причиненный церкви в ходе осуществления своих прав и обязанностей.

(4) Гражданско-правовая ответственность служителей церкви, а также ответственность за ущерб, причиненный церковью ее служащим, регулируются действующим государственным законодательством...

Статья 29

(1) Священнослужителям и другим пасторам... выплачивается регулярное жалование, указанное в письме о назначении, утвержденном епархией. Указанное письмо соответствует договору о церковной должности...».

2. Церковный статут 2000 года № I о юрисдикции Реформатской церкви Венгрии

33. Соответствующие положения Церковного статута 2000 года № I в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, гласят следующее:

«...Статья 34

(1) Правовые споры, связанные с избранием и назначением церковных должностных лиц, выплатой им вознаграждения, выходом на пенсию или переводом, исполнением материальных обязательств и урегулированием споров между приходами, церковными организациями и их учреждениями, относятся к компетенции церковного суда компетентной юрисдикции в отношении толкования и применения правовых норм.

(2) Епархиальный суд по месту нахождения прихода принимает решение в интересах церкви по вопросу окончания службы выборного, автономного, приходского священнослужителя...

Статья 35

(1) Подготовительное разбирательство может быть начато в церковном суде по собственной инициативе суда или на основании жалобы истца.

(2) Любое сообщение или жалоба, направленная в какой-либо церковный орган, подлежащие рассмотрению в суде, должны быть переданы президиуму церковного суда соответствующей юрисдикции в течение восьми дней, и заявитель должен быть проинформирован об этом.

(3) Президиум церковного суда компетентной юрисдикции рассматривает жалобу в течение восьми дней...

Статья 77

(1) Исполнение решения осуществляется на основании окончательного и обязательного решения суда...

Статья 79

Президиум суда первой инстанции, рассматривавший дело, обеспечивает исполнение решения...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

34. Заявитель жаловался на то, что отказ внутригосударственных судов вынести решение по материальному иску, вытекающему из его пасторской службы, нарушил его право на доступ к суду, как оно предусмотрено в пункте 1 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом».

A. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

35. В ходе открытого слушания дела в Большой Палате Европейского Суда заявитель указал, что он заключил отдельный договор с Реформатской церковью Венгрии о преподавании церковной истории. Это было устное соглашение с директором Кальвинистского лицея г. Гёдёллэ: преподавать историю церкви в течение четырех часов в неделю, и данная деятельность не являлась частью его пастырских отношений с церковью. В подтверждение своего довода заявитель представил ряд нотариально заверенных свидетельств бывших членов пресвитерии своей бывшей церкви. Учитывая, что лицей, в котором он преподавал, финансировался за счет государственного бюджета, по мнению заявителя, этот второй договор, несомненно, имел гражданско-правовой характер. Кроме того, заявитель утверждал, что он несколько раз в судах ссылаясь на второй договор, касающийся его преподавательской деятельности: сначала в деле о трудовых отношениях, а затем в деле по своему гражданскому иску и при подаче ходатайства о рассмотрении дела Верховным судом Венгрии.

36. Власти Венгрии оспорили доводы заявителя в этом отношении. Он обратился в суды по гражданским делам первой инстанции с требованиями о выплате жалования, связанного с его пастырской и преподавательской деятельностью, только на основании письма о назначении в качестве пастора. Его ссылка на отдельный договор о преподавании истории церкви была впервые сделана в его ходатайстве о рассмотрении дела в Верховном суде Венгрии. В своем решении Верховный суд Венгрии рассмотрел доводы заявителя о том, что у него с Реформатской церковью Венгрии был отдельный договор о преподавании, но суд пришел к выводу, что в ходе разбирательства в нижестоящих судах не было надлежащим образом предъявлено каких-либо требований на основании данного договора.

37. Власти Венгрии утверждали, что, хотя заявитель подал требования в суд первой инстанции о выплате вознаграждения за преподавание, он не указал, что правовой основой для этих требований является отдельный договор, отличный от его письма о назначении, на которое ссылался заявитель, поскольку он не только не упомянул о втором договоре, но и утверждал, что он обязан организовывать и осуществлять преподавательскую деятельность в рамках своей пастырской службы. Наконец, решение Верховного суда не имело никаких последствий *res judicata*¹ для существования требований, которые не были эффективным образом представлены в суд первой инстанции, и поэтому заявитель мог и должен был выдвинуть данные требования во внутригосударственных судах до обращения в международный суд, как того требует принцип субсидиарности, лежащий в основе Конвенции.

38. Европейский Суд отмечает, что заявитель действительно упоминал о своей преподавательской деятельности еще в ходе разбирательства в суде первой инстанции. Однако он представил различные требования в отношении церкви-ответчика на одной-единственной правовой основе, а именно его письме о назначении, направленном Советом пресвитеров 14 декабря 2003 г. (см. § 9 настоящего Постановления). Например, в своем гражданском иске, поданном в суд первой инстанции, он указал, что «пастырская деятельность [заявителя] была многообразной. В частности, он отвечал за... преподавание...», и «в рамках своих пастырских обязанностей [заявитель] был также обязан участвовать в... преподавании» (см. § 17 настоящего Постановления). Для обоснования своих финансовых требований в суде первой инстанции он не упоминал ни о каком другом договоре, устном или письменном.

39. Далее из имеющихся документов усматривается, что заявитель упомянул отдельное уст-

ное соглашение о преподавании истории церкви только в его ходатайстве о рассмотрении дела Верховным судом Венгрии (см. § 22 настоящего Постановления). В ответ на его доводы в этой связи Верховный суд постановил, что заявитель не представил в суд первой инстанции надлежащим образом свою жалобу, касающуюся отдельного договора о преподавании (см. § 24 настоящего Постановления). Власти Венгрии считали, что заключение Верховного суда Венгрии не препятствует заявителю возбудить новое гражданское разбирательство в отношении церкви-ответчика на основании второго соглашения, если он считал, что государственные суды были бы в состоянии рассмотреть его требования по этому поводу.

40. Что касается производства по делу в Европейском Суде, то в формуляре своей жалобы заявитель не упомянул отдельного (устного) соглашения исключительно в отношении преподавания истории церкви и не представлял каких-либо доказательств в этой связи на протяжении всего производства по делу в Палате Европейского Суда. Действительно, никаких упоминаний о каком-либо втором соглашении не было сделано в его замечаниях в ходе производства по делу в Палате Европейского Суда, в своей просьбе о передаче дела на рассмотрение в Большой Палате Европейского Суда или в его письменных замечаниях в Большой Палате Европейского Суда.

41. Как указано выше, заявитель упомянул о наличии отдельного договора о преподавании истории церкви в своих устных замечаниях в Большой Палате Европейского Суда 12 октября 2016 г. и, отвечая на конкретный вопрос Европейского Суда, представил свидетельские показания в поддержку факта своей преподавательской деятельности в кальвинистском лицее г. Гёдёлле.

42. Вместе с тем Европейский Суд вновь подтверждает свою устоявшуюся прецедентную практику, согласно которой все жалобы, которые предполагается подать на международном уровне, должны быть рассмотрены в соответствующих внутригосударственных судах, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и сроками, установленными в законодательстве страны (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (*Azinas v. Cyprus*), жалоба № 56679/00, § 38, *ECtHR* 2004-III). С учетом вышеуказанного вывода Верховного суда о том, что заявитель не поднимал вопроса о втором договоре в суде первой инстанции в соответствии с процессуальными требованиями законодательства Венгрии, Европейский Суд убежден в том, что заявитель не исчерпал надлежащим образом имеющиеся в его распоряжении внутригосударственные средства правовой защиты в этой связи.

43. Принимая во внимание изложенное, а также то, что дело в Большой Палате Европейского

¹ Принцип *res judicata* предполагает, описывая это в упрощенном виде, недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением (примеч. редактора).

Суда было основано на жалобе, объявленной приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Белане Надь против Венгрии» (*Bélané Nagy v. Hungary*), жалоба № 53080/131, § 43, *ECHR* 2016, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/062, § 91, *ECHR* 2016), Европейский Суд приступит к рассмотрению жалобы заявителя, касающейся исключительно его пастырского служения в соответствии с письмом о назначении.

В. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

44. В своем Постановлении от 1 декабря 2015 г. Палата Европейского Суда в первую очередь рассмотрела вопрос о применимости статьи 6 Конвенции к фактам дела заявителя и пришла к утвердительному выводу.

45. Палата Европейского Суда отметила, что гражданские иски с целью добиться исполнения договорных обязательств или получить возмещение за ущерб, причиненный в результате нарушения договора, широко распространены во многих странах системы гражданского права и что в данном случае спор связан с применимостью норм, на которые ссылается заявитель в своих отношениях с Реформатской церковью Венгрии.

46. Далее Палата Европейского Суда не сочла, что Постановление Конституционного суда 2003 года (см. § 29 настоящего Постановления) касалось ситуации, в достаточной степени похожей на ситуацию заявителя. При отсутствии какого-либо предыдущего решения суда, разъясняющего, являются ли или нет положения о договорных обязательствах и ответственности применимыми к пастырскому церковному служению, Палата Европейского Суда указала, что внутригосударственные суды призваны решить по делу заявителя, подпадает ли его договор с Реформатской церковью Венгрии под существующие категории договоров, и относится ли какой-либо ущерб, предположительно вызванный невыплатой его служебного жалования, к сфере действия Гражданского кодекса.

47. Соответственно Палата Европейского Суда признала в начале разбирательства дела, что заявитель представил, по крайней мере на доказуемых основаниях, жалобу согласно внутригосударственному законодательству и что существовал подлин-

ный и серьезный спор по поводу наличия заявленных им прав. Последующее решение Верховного суда не могло ретроспективно признать требование заявителя не подлежащим удовлетворению. Наконец, будучи чисто имущественным, требование заявителя имело, бесспорно, гражданско-правовой характер.

48. Что касается существа жалобы заявителя, то не было установлено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции на том основании, что решение Верховного суда касалось толкования и применения законодательства страны, которое не являлось ни произвольным, ни явно необоснованным.

С. ДОВОДЫ СТОРОН ПО ПОВОДУ ПРИМЕНИМОСТИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

1. Власти Венгрии

49. Власти Венгрии утверждали, что жалоба заявителя не была признана в соответствии с внутригосударственным законодательством подлежащим исполнению правом, но оставалась в сфере натуральных обязательств³, определенных в пункте 1 статьи 204 Гражданского кодекса Венгрии, в частности, в качестве требования, которое не может быть исполнено с помощью государственного органа в силу закона. Действительно, имущественные требования, основанные на внутренних законах и правилах церквей, не подлежат исполнению государственными органами согласно пункту 2 статьи 15 Закона о церкви 1990 года (см. § 28 настоящего Постановления).

50. Власти Венгрии пояснили, что натуральные обязательства не имеют законной силы по причинам общей политики, которая в данном конкретном случае касалась необходимости защиты конституционного принципа светского характера государства и автономии церквей. Статью 6 Конвенции нельзя толковать как обязывающую государства признавать такие натуральные обязательства юридически обязательными.

51. Кроме того, хотя требование заявителя действительно имеет чисто материальный характер, оно не может быть отделено от его правовой основы в церковном праве. В соответствии с гражданским правом Венгрии, как оно толкуется внутригосударственными судами, агентские договоры требуют от обеих сторон предоставления услуг, имеющих определенную денежную стоимость. Однако деятельность, осуществляемая заявителем в качестве

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

³ Натуральные (неисковые) обязательства представляют собой возникшие из договоров юридически действительные обязательственные отношения, требования по которым в силу прямого указания гражданского закона не могут быть осуществлены в судебном (исковом, то есть принудительном) порядке, но добровольное исполнение по которым не является неосновательным обогащением (примеч. редактора).

пастыря, не сводилась к предоставлению услуг материальной ценности, то есть тех, которые могли быть проданы на (светском) рынке товаров и услуг, но соответствовала церковному служению. Следовательно, суды Венгрии пришли к выводу, что отношения между заявителем и церковью не могут быть истолкованы как родственные агентскому договору. В отсутствие гражданско-правового договора между ними также не может быть причинен ущерб в результате нарушения договора, и именно поэтому суды не рассматривали данный вопрос.

52. Кроме того, статья 7 Гражданского кодекса устанавливает защиту предусмотренных законом прав и не может быть истолкована как основание для притязания на права, не гарантированные государственным законодательством. Конституционный суд Венгрии в своем Постановлении 2003 года также пришел к выводу о том, что право на доступ к суду применимо только к правам и обязанностям, вытекающим из внутригосударственного законодательства (см. § 29 настоящего Постановления).

53. Доводы заявителя, касающиеся налогового права, не имеют значения и не могут служить основанием в материальном праве для предъявления требований о доходах от церковной службы. Во-первых, налогообложение – это правоотношение между государством и физическим лицом, регулируемое государственным законом. Во-вторых, то, что подлежит налогообложению в соответствии с законодательством страны, – это не требуемый доход, а фактически получаемый доход.

54. По мнению властей Венгрии, из вышесказанного следует, что жалоба заявителя не имеет правовой основы во внутригосударственном материальном праве. Кроме того, согласно международному праву государство не обязано обеспечивать соблюдение норм церковного права.

55. Власти Венгрии высказали еще два возражения, касающихся вопроса о неприемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу, утверждая, что жалоба несовместима *ratione personae*¹ с положениями Конвенции и что заявитель не исчерпал надлежащим образом доступные внутригосударственные средства правовой защиты.

2. Заявитель

56. Заявитель утверждал, что его дело касалось спора о гражданском праве человека, которое было признано в соответствии с внутригосударственным законодательством. Прежде всего было признано,

¹ *Ratione personae* (лат.) – ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь. Здесь имеются в виду круг и признаки субъектов обращения в Европейский Суд с жалобой на предположительное нарушение прав и свобод, гарантируемых Конвенцией (примеч. редактора).

что характер отношений, на которых он основывал свое требование, а именно имущественные отношения между гражданином и религиозной общиной, является гражданским правом в соответствии с законодательством страны. В этой связи он подчеркнул, что церковное право признает применимость государственного закона к деликтной ответственности в спорах между церковью и ее членами. Заявитель также подчеркнул, что церковь-ответчик никогда не полагалась на свою исключительную компетенцию в данном вопросе.

57. Кроме того, его служебное жалование облагалось налогом как доход от трудовой деятельности по смыслу действующего законодательства. Таким образом, государство не может, с одной стороны, игнорировать материальный характер такого жалования и, с другой стороны, налагать на него юридические обязательства (налоги).

58. По мнению заявителя, у него были два различных правоотношения с Реформатской церковью Венгрии: одно – церковного характера, связанное с его пастырским служением, и другое, преимущественно имущественное, связанное с его пастырским жалованием. Последнее не имеет отношения к церковной автономии и касается лишь имущественных жалоб частнопроводного характера. Следовательно, внутригосударственные суды должны были вынести решение по его иску, а не отказываться рассматривать его.

3. Замечания третьей стороны

59. Учитывая основополагающий характер статьи 9 Конвенции, центральное место «церковной автономии» в рамках защиты статьи 9 Конвенции и обязанность государства сохранять нейтралитет по отношению к религиозным институтам, организация «Союз в защиту свободы» считает, что государства-члены должны уступать церквям в вопросах церковных споров. Хотя в редких случаях это может оказывать воздействие на другие права, закрепленные в Конвенции, в противном случае можно было бы, скорее всего, поставить другие права, закрепленные в Конвенции, выше права на свободу религии, а также счесть Европейский Суд главным арбитром по религиозным спорам.

D. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

60. Европейский Суд неоднократно подтверждал, что для того, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции в его «гражданско-процессуальной» части был применен, должен существовать спор по поводу «права», которое, по крайней мере на доказуемых основаниях, может быть признано в соответствии

с внутригосударственным законодательством, независимо от того, защищено ли это право в соответствии с Конвенцией. Необходимо, чтобы спор был серьезным и реальным. Он может относиться не только к вопросу о фактическом существовании этого права, но и к сфере его применения и способу его осуществления. Наконец, результат рассмотрения дела должен иметь непосредственное и решающее значение для права, о котором идет речь, поскольку незначительной связи или отдаленных последствий для применения пункта 1 статьи 6 Конвенции недостаточно (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Греко-католический приход г. Лупени и другие против Румынии» (*Lupeni Greek Catholic Parish and Others v. Romania*) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 76943/11¹, § 71, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (*Baka v. Hungary*) от 23 июня 2016 г., жалоба № 20261/12², § 100, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бочан против Украины (№ 2)» (*Bochan v. Ukraine*) (№ 2), жалоба № 22251/08³, § 42, *ECHR* 2015).

61. Пункт 1 статьи 6 Конвенции не гарантирует какого-либо конкретного содержания гражданских «прав и обязанностей» в материальном праве Договаривающихся Государств: Европейский Суд не может создавать путем толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материальное право, которое не имеет никакой правовой основы в соответствующем государстве (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства» (*Roche v. United Kingdom*), жалоба № 32555/96, § 119, *ECHR* 2005-X, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга» (*Boulois v. Luxembourg*), жалоба № 37575/04, § 91, *ECHR* 2012). Кроме того, как видно из прочно устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда, необходимо сохранять различие между процессуальными и материальными элементами: это различие может быть, в частности, в наборе правовых норм государства и остается решающим фактором применимости и, соответственно, сферы применения гарантий статьи 6 Конвенции, которая в принципе может не применяться к существенным ограничениям прав, предусмотренных внутригосударственным законодательством (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Греко-католический приход г. Лупени и другие против Румынии», § 100).

62. Для того, чтобы решить, действительно ли данное «право» имеет основу во внутригосударственном законодательстве, отправной точкой должны быть положения соответствующего законодательства страны и их толкование судами (см. в качестве недавнего примера Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии» (*Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*) от 21 июня 2016 г., жалоба № 5809/08, § 97). Европейский Суд напоминает, что решать проблемы толкования внутригосударственного законодательства в первую очередь должны власти страны, в частности, суды. Роль Европейского Суда ограничивается проверкой того, совместимы ли последствия такого толкования с Конвенцией. С учетом этого, за исключением случаев явного произвола, Европейскому Суду не следует ставить под сомнение толкование законодательства внутригосударственными судами (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции» (*Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey*) от 20 октября 2011 г., жалоба № 13279/05, §§ 49–50). Таким образом, в тех случаях, когда вышестоящие суды всесторонне и убедительно проанализировали точный характер оспариваемого ограничения [на доступ к суду] на основе соответствующей прецедентной практики применения Конвенции и следующих из них принципов, Европейскому Суду следует представить веские причины, чтобы отойти от выводов этих судов, подменяя своей оценкой мнения внутригосударственных судов по вопросу толкования законодательства и устанавливать, вопреки их мнению, что, возможно, имело место право, признанное внутригосударственным законодательством (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», § 120).

63. Наконец, для оценки применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции необходимо учитывать право, заявленное истцом в ходе внутригосударственного разбирательства (см. Решение Европейского Суда по делу «Фонд матерей Сребреницы и другие против Нидерландов» (*Stichting Mothers of Srebrenica and Others v. Netherlands*), жалоба № 65542/12, § 120, *ECHR* 2013 (извлечение)). В тех случаях, когда имеется подлинный и серьезный спор о наличии права, утверждаемого истцом в соответствии с законодательством страны, решения судов об отсутствии такого права не устраняют ретроспективно доказуемость жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства» (*Z and Others v. United Kingdom*), жалоба № 29392/95, § 89, *ECHR* 2001-V).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 9 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 10 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 1 (примеч. редактора).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

64. Европейский Суд считает, что первый вопрос, на который следует дать ответ в настоящем деле, заключается в том, имел ли заявитель «право», которое, по крайней мере, доказуемо можно считать признанным в соответствии с внутригосударственным законодательством.

65. При оценке данного вопроса Европейскому Суду необходимо исходить из положений внутригосударственного законодательства и их толкования судами (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», § 120).

66. Что касается законодательства Венгрии, то бесспорно, что в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Закона о церкви жалобы, связанные с внутригосударственным законодательством и правилами церкви, не могли быть выполнены государственными органами (см. § 28 настоящего Постановления). Также не оспаривается, что в случае, когда суды устанавливают, что продолжающийся спор касается церковного иска, неисполнимого государственными органами, суды должны прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 130 Гражданского процессуального кодекса (см. § 27 настоящего Постановления). Соответственно, основной вопрос, который возник в судах страны, касался точного характера взаимоотношений заявителя с Реформатской церковью Венгрии.

67. В своем Постановлении 2003 года (см. § 29 настоящего Постановления) Конституционный суд Венгрии разъяснил позицию духовенства в отношении их церковного служения в том смысле, что иски, основанные на церковном праве, не могут быть исполнены внутригосударственными судами. В данном постановлении Конституционный суд пояснил, что отношения между церквями и их служителями, с одной стороны, могут регулироваться церковным правом, в обеспечении соблюдения которого не может быть задействован государственный орган. С другой стороны, в тех случаях, когда правовые отношения между церковью и ее членами регулируются государственным законом, Конституционный суд указал следующее:

«Согласно совместному толкованию принципа разделения церкви и государства и права доступа к суду государственные суды обязаны определять существо правовых споров, касающихся прав и обязанностей лиц, находящихся на службе церкви, которые регулируются государственным законом. Однако при таких определениях церковная автономия должна уважаться судебными органами».

68. Европейский Суд отмечает в связи с этим, что церковное служение заявителя основывалось на его письме о назначении, выданном приходским Советом пресвитеров, назначавшим его на

должность пастыря Реформатской церкви Венгрии (см. § 9 настоящего Постановления). Согласно тексту этого письма заявитель должен был выполнять «задачи, определенные церковными законами и правовыми положениями, в частности, теми, которые изложены в Статуте 1994 года № II о пастырях и пастырском служении и [соответствующем] кодексе поведения». В этом отношении Европейский Суд отмечает следующее: статья 9 Статута 1994 года № II об Уставе и управлении Реформатской церкви Венгрии предусматривает, что церковное право должно было быть применимо в отношении служебных отношений пасторов и других лиц, находящихся на службе пастырского характера (см. § 32 настоящего Постановления). Кроме того, статья 34 Статута 2000 года № I о юрисдикции Реформатской церкви Венгрии предусматривает, что юридические споры в сфере, в частности, назначения, жалования и выхода на пенсию пасторов относятся к компетенции церковных судов (см. § 33 настоящего Постановления).

69. Однако вместо того, чтобы обратиться в церковные суды со своими имущественными исками, как только он был уволен с пастырской службы, заявитель сначала возбудил трудовой спор, утверждая, что его отношения с Реформатской церковью Венгрии были похожи на занятость по найму (см. § 13 настоящего Постановления). Суд по трудовым спорам прекратил производство по делу, постановив, что иск заявителя не может быть исполнен во внутригосударственных судах (см. § 14 настоящего Постановления). Заявитель не обращался с ходатайством о рассмотрении решения в Верховный суд, а обратился в суды по гражданским делам и утверждал, что его отношения с Реформатской церковью Венгрии фактически представляют собой агентский договор по смыслу Гражданского кодекса (см. §§ 15–18 настоящего Постановления). Только данное последнее производство было признано приемлемым для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда, и поэтому оно подлежит рассмотрению Большой Палатой Европейского Суда (см. § 43 настоящего Постановления).

70. Рассматривая дело заявителя, суд по гражданским делам первой инстанции в соответствии с положениями внутригосударственного законодательства пришел к выводу, что отношения заявителя с церковью не могут быть приравнены к агентскому договору, определяемому Гражданским кодексом, поскольку в нем отсутствуют важные характеристики подобного договора, и, в частности, церковная деятельность заявителя не имеет рыночной стоимости (см. § 19 настоящего Постановления). Это мнение было подтверждено Верховным судом Венгрии, который отметил, что иск заявителя имел церковный, а не гражданско-правовой характер и, следовательно, не подлежал исполнению во внутригосударственных судах. По этой причине в соответствии с законодательством

Венгрии Верховный суд не нашел оснований для вынесения решения по существу иска и прекратил производство по делу (см. §§ 24 и 66 настоящего Постановления). Ни один из судов Венгрии не принял во внимание довод заявителя о том, что вопрос о его пастырском служении должен рассматриваться отдельно от вопроса о его пастырском жаловании (см. § 58 настоящего Постановления).

71. В Европейском Суде заявитель утверждал, что в начале производства по его делу он имел право в соответствии с внутригосударственным законодательством, которое было в достаточной степени признано, например, право на применение статьи 6 Конвенции. Такая жалоба включает в себя оценку Европейским Судом содержания законодательства Венгрии и, если это применимо, оценку, которая позволяет сделать вывод, отличный от того, который был сделан судами властей государства-ответчика. В этом контексте Европейский Суд вновь подтверждает, что данная оценка будет проводиться только в том случае, если выводы внутригосударственных судов будут признаны произвольными или явно необоснованными (см. § 62 настоящего Постановления).

72. Европейский Суд отмечает, что в деле заявителя все судебные инстанции страны, то есть Суд по трудовым спорам, суд по гражданским делам и Верховный суд, после детального изучения вопроса о подведомственности государственных судов и праве на доступ к суду лиц, находящихся на церковной службе, прекращали производство по делу, устанавливая, что требование заявителя не может быть исполнено в судах государства, поскольку его пастырское служение и письмо о назначении, на котором оно было основано, регулируются церковным, а не государственным законом (см. §§ 14 и 24 настоящего Постановления). Кроме того, Европейский Суд отмечает, что эти выводы соответствуют принципам, установленным Конституционным судом в его Постановлении 2003 года (см. §§ 29 и 67 настоящего Постановления).

73. Европейский Суд не убежден доводом заявителя о том, что заключение внутригосударственных судов о церковных отношениях в его случае, в конечном счете, было аннулировано Верховным судом. Напротив, Верховный суд подтвердил, что до прекращения разбирательства в государственных судах отношения заявителя с церковью-ответчиком имели церковный характер (см. § 70 настоящего Постановления). Неубедительным является и довод заявителя, опирающийся на налогообложение его пастырского жалования, поскольку автономия налогового права может позволить государственным органам взимать налог и с доходов, не вытекающих из частноправовых отношений, регулируемых государственным законом. Наконец, тот факт, что Реформатская церковь Венгрии не ссылалась

на свою исключительную компетенцию в этом вопросе, не имеет отношения к делу, поскольку определение сферы юрисдикции внутригосударственных судов является задачей государственных судов, а не церковных властей.

74. Кроме того, Европейский Суд убедился в том, что пункт 2 статьи 15 Закона о церкви был ограничен вопросами, связанными с «внутренними законами и правилами церкви» (см. § 28 настоящего Постановления), и не предоставлял церквям или их должностным лицам неограниченный иммунитет в отношении любых гражданских исков. Наоборот, как показывает пример Руководящего разъяснения Верховного суда Венгрии (на которое ссылаются власти государства-ответчика (см. § 30 настоящего Постановления), другие исковые требования, такие как те, которые касаются защиты прав личности, могут быть предъявлены церковным должностным лицам, поскольку они не касаются «внутренних законов и правил церкви» по смыслу пункта 2 статьи 15 Закона о церкви.

75. Однако жалоба заявителя не связана с таким предусмотренным законом правом. Вместо этого оно касается утверждения о том, что имущественное требование, вытекающее из его церковной службы, регулируемой церковным правом, фактически должно рассматриваться как относящееся к сфере действия гражданского права. Внимательно изучив характер его иска, суды, насколько они рассматривали существо вопроса, единогласно указали, что в соответствии с положениями внутригосударственного законодательства это не соответствует действительности.

76. Учитывая общую правовую и судебную правовую базу, существовавшую в Венгрии на тот момент, когда заявитель подал свой гражданский иск, заключение внутригосударственных судов о том, что пастырское служение заявителя регулировалось церковным правом, и их решение прекратить производство по делу не могут считаться произвольными или явно необоснованными.

77. Следовательно, с учетом характера жалобы заявителя, оснований для его служения в качестве пастыря и внутригосударственного права в толковании судами Венгрии как до спора заявителя, так и в ходе рассмотрения возбужденного им дела Европейский Суд не может не заключить, что заявитель не имел «права», которое, можно сказать, по крайней мере, на доказуемых основаниях могло быть признано в соответствии с внутригосударственным законодательством. Сделать иное заключение означало бы создать Европейским Судом путем толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материальное право, не имеющее правовой основы в государстве-ответчике.

78. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что статья 6 Конвенции неприменима к фактам настоящего дела. Таким образом, жалоба заявителя несовместима *ratione*

*materiae*¹ с положениями Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Суд:

постановил 10 голосами «за» при семи – «против», что жалоба заявителя является неприемлемой для рассмотрения по существу.

Совершено на английском и французском языках, оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека (г. Страсбург) 14 сентября 2017 г.

Франсуаза ЭЛЕНС-ПАССОС Заместитель Секретаря-канцлера Суда	Ангелика НУССБЕРГЕР Председатель Большой Палаты Суда
--	--

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) особое мнение судьи Линос-Александра Сисилианоса;

(b) совместное особое мнение судей Андраша Шайо, Луиса Лопеса Герра, Ноны Цоцория и Юлии Лаффранк;

(с) особое мнение судьи Паулу Пинту де Альбукерке;

(d) особое мнение судьи Алеша Пейхала.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛИНОС-АЛЕКСАНДРА СИСИЛИАНОСА

(Перевод)²

I. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ И СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. К сожалению, я не могу согласиться с подходом большинства судей, согласно которому статья 6 Конвенции неприменима в данном деле. Однако ясно, что моя позиция в отношении применимости статьи 6 Конвенции не предрешает существования жалобы, которая была передана на рассмотрение Большой Палате Европейского Суда, а именно вопроса о том, было ли обеспечено право на

¹ *Ratione materiae* (лат.) – по причинам существования, ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения. По общему правилу, Европейский Суд принимает к рассмотрению жалобы относительно предполагаемых нарушений лишь тех прав человека, которые закреплены в Конвенции (примеч. редактора).

² Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке, в данном случае оно было составлено на французском языке (примеч. редактора).

доступ к суду. Хотя вопрос о применимости статьи и существо жалобы могут представляться объединенными в фактическом и юридическом контекстах настоящего дела, тем не менее они принципиально различны. Вопрос о применимости статьи 6 Конвенции является предварительным вопросом, который касается приемлемости для рассмотрения по существу жалобы *ratione materiae*. Одно дело утверждать, что статья 6 Конвенции применима и поэтому жалоба является приемлемой *ratione materiae*, совсем иное дело констатировать, что ограничения, налагаемые законодательством Венгрии в его толковании внутривосударственными судами, не преследовали законной цели или были несоразмерны цели, преследуемой до такой степени, что подрывали саму суть права на доступ к суду (см. об общих принципах доступа к суду среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary), жалоба № 20261/12, § 120, ECHR 2016).

2. Иными словами, анализ вопроса о применимости статьи 6 Конвенции не должен затрагивать существа жалобы. С моей точки зрения, при всем уважении к большинству судей в настоящем Постановлении не удалось провести достаточно четкое различие между приемлемостью жалобы для рассмотрения по существу и существом жалобы. Ряд пунктов в настоящем Постановлении выходят за рамки вопроса о применимости статьи 6 Конвенции как таковой и касаются в действительности существа спора, то есть сферы применения права на доступ к суду в обстоятельствах дела и того, были ли оправданы ограничения этого права в соответствии с законодательством Венгрии. Как представляется, это является результатом ограничительного подхода к «доказуемому» характеру «права», на которое ссылался заявитель в соответствии с внутривосударственным законодательством.

II. СФЕРА ОХВАТА РАЗНОГЛАСИЙ: ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «ДОКАЗУЕМЫЙ» В ОТНОШЕНИИ ПРИМЕНИМОСТИ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

3. Как уместно отмечено в § 60 настоящего Постановления, «Европейский Суд неоднократно подтверждал, что для того, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции в его “гражданско-процессуальной” части был применим, должен существовать спор по поводу “права”, которое, по крайней мере, на доказуемых основаниях, может быть признано в соответствии с внутривосударственным законодательством, независимо от того, защищено ли это право в соответствии с Конвенцией» (курсив мой. – Л.-А.С.). Европейский Суд продолжает объяснением, что он «не может создавать путем толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материальное право, которое не имеет никакой правовой

основы в соответствующем государстве» (см. § 61 настоящего Постановления, курсив мой. – Л.-А.С.; см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга» (Boulois v. Luxembourg), жалоба № 37575/04, § 91, ECHR 2012, и другие упомянутые в нем ссылки).

4. Выбор терминов «доказуемый» и «никакой» ясно свидетельствует, на мой взгляд, о том, что на данном этапе для принятия предварительного решения о применимости статьи 6 Конвенции не требуется судить о том, действительно ли данное право признается во внутригосударственном законодательстве с почти абсолютной определенностью. Критерий, предложенный в устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, как он упоминается в настоящем Постановлении, предполагает *prima facie* проверку. Европейский Суд просто должен гарантировать, что он не применяет статью 6 Конвенции, поэтому он не рассматривает предусмотренные ею гарантии в отношении предполагаемого права, которое не имеет правовой основы во внутригосударственном законодательстве, и что заявитель представил свои убедительные аргументы, касающиеся существования и реализации данного права. Как действительно было установлено в этой связи по делу «Невеш э Сильва против Португалии» (Neves e Silva v. Portugal) (Постановление Европейского Суда от 27 апреля 1989 г., § 37, Series A, № 153-A), «Европейский Суд должен удостовериться в том, что доводы заявителя являются достаточно убедительными, а не в том, являются ли они обоснованными с точки зрения законодательства Португалии». Насколько мне известно, данный методологический подход никогда с тех пор не ставился под сомнение Европейским Судом.

III. ТЕРМИН «ДОКАЗУЕМЫЙ» И СТАТЬЯ 13 КОНВЕНЦИИ

5. Кроме того, следует отметить, что аналогичный подход систематически используется Европейским Судом в соответствии со статьей 13 Конвенции в отношении права на эффективное средство правовой защиты. Как недавно повторила Большая Палата Европейского Суда, «статья 13 Конвенции требует, что средство правовой защиты должно существовать во внутригосударственном законодательстве применительно только к тем жалобам, которые можно считать обоснованными с точки зрения Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (Boyle and Rice v. United Kingdom) от 27 апреля 1988 г., § 54, Series A, № 131)» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Де Томмазо против Италии» (De Tommaso v. Italy), жалоба № 43395/09¹, § 180, ECHR 2017).

Действительно, «доказуемый» характер жалобы, о котором говорилось выше, должен существовать в отношении Конвенции, а не внутригосударственного законодательства. Тем не менее, поскольку терминология в обеих ситуациях одинакова, методология, используемая для принятия решения о том, является ли жалоба «доказуемой», должна быть аналогичной. Если рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции, то ее доказуемый характер необязательно требует углубленного анализа, а скорее *prima facie* рассмотрения с целью убедиться в том, что жалоба заявителя, основанная на материальном конвенционном праве, является достаточно убедительной.

6. В порядке подтверждения можно даже сослаться на те дела, по которым Европейский Суд приходил к выводу об отсутствии нарушения соответствующего материального права, однако в отсутствие эффективного средства правовой защиты он, тем не менее, констатировал нарушение статьи 13 Конвенции. Одним из примеров этого может служить недавно рассмотренное дело «D.M. против Греции» (D.M. v. Greece) (Постановление Европейского Суда от 16 февраля 2017 г., жалоба № 44559/15), которое касалось условий содержания заявителя под стражей и вопроса о том, существуют ли в Греции средства правовой защиты, с помощью которых можно обжаловать эти условия. В отношении данного дела Европейский Суд отметил, в частности, следующее (см. § 43, курсив мой. – Л.-А.С.):

«Европейский Суд подтверждает, что наличие фактического нарушения другого положения не является обязательным условием для применения статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Денисов против Российской Федерации» (Sergey Denisov v. Russia) от 8 октября 2015 г., жалоба № 21566/13², § 88, и содержащиеся в нем ссылки). В настоящем деле даже при том, что Европейский Суд не установил нарушения статьи 3 Конвенции (см. § 40 настоящего Постановления), он не счел, что жалоба заявителя в этой связи была *prima facie* бесспорной (см. §§ 31 и последующие)... Таким образом, Европейский Суд считает, что заявитель представил доказуемую жалобу для целей статьи 13 Конвенции».

Утверждая таким образом, что статья 13 Конвенции была применима в данном деле, Европейский Суд затем установил, «что имело место нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции» (см. там же, § 46).

7. В приведенном выше фрагменте, представляющем особый интерес, содержится следующее предложение: «[Европейский Суд] не счел, что жалоба заявителя... была *prima facie* бесспорной». Это предложение не может быть более ясным, свидетельствуя, что соответствующий критерий пред-

¹ См. в настоящем номере на с. 1–50 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 3 (примеч. редактора).

полагает проверку *prima facie*, а двойной негатив, используемый здесь, предполагает, что просто необходимо обеспечить, чтобы заявитель представил достаточно убедительную жалобу, а не нерелевантную.

IV. ГАРМОНИЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ, ОБЪЕКТ И ЦЕЛЬ КОНВЕНЦИИ

8. Как недавно указала Большая Палата Европейского Суда, что «Конвенцию необходимо воспринимать как единое целое и толковать ее таким образом, чтобы укреплять ее внутреннюю непротиворечивость и согласованность ее различных положений (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу “Стек и другие против Соединенного Королевства” (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 48, *ECHR* 2005-X, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Ранцев против Кипра и Российской Федерации” (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 274)» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary*), жалоба № 18030/11¹, § 120, *ECHR* 2016).

На основе этого общего принципа толкования следует понимать, я считаю, что термин «доказуемый» имеет одно и то же значение по отношению к двум обсуждаемым положениям Конвенции, статьям 6 и 13 Конвенции, тем более что эти положения являются взаимосвязанными, преследуя, как они это делают, одну и ту же цель: возможность для физических лиц получить выгоду от эффективного средства правовой защиты в целях осуществления их прав, – и поскольку статья 6 Конвенции часто рассматривается как *lex specialis*² по отношению к статье 13 Конвенции.

9. Таким образом, следует признать как результат толкования Конвенции в духе гармонии, что термин «доказуемый» предполагает *prima facie* проверку со стороны Европейского Суда с простой целью удостовериться в том, что доводы заявителя являются достаточно убедительными. Иными словами, для выяснения того, является ли позиция или жалоба заявителя «доказуемой», будь то в свете внутригосударственного законодательства или в соответствии с Конвенцией, у Европейского Суда отсутствует необходимость проводить углубленный анализ или выносить окончательное решение по существу дела. Данный подход выходил бы за рам-

ки проверки, подразумеваемой понятием «доказуемая» жалоба или «доказуемый» аргумент. Это будет иметь практические последствия сокращения объема статей 6 и 13 Конвенции. Более тщательный анализ действительно показывает, что чем более требовательным является то, что «доказуемо», тем больше ограничивается сфера применения права на справедливое судебное разбирательство (или права на эффективное средство правовой защиты).

10. Мой подход, направленный на то, чтобы избежать чрезмерного ограничения сферы применения вышеупомянутых положений, как представляется, согласуется с объектом и целью Конвенции и, в частности, с целями и задачами статьи 6 Конвенции, которые находятся в центре внимания в настоящем деле. Следует напомнить, что, поскольку в известном деле «Делькур против Бельгии» Европейским Судом неоднократно подчеркивалось, что «в демократическом обществе по смыслу Конвенции право на справедливое отправление правосудия занимает столь важное место, что любое ограничительное толкование пункта 1 статьи 6 Конвенции не будет соответствовать цели и задаче этого положения» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) от 17 января 1970 г., § 25, Series A, № 11).

V. ПРИМЕНЕНИЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

11. В настоящем деле заявитель утверждал, что его дело касалось спора о гражданском праве лица, признанном внутригосударственным законодательством. Он утверждал, во-первых, что характер отношений, на которых он основывал свои жалобы, и которые, по его словам, являлись имущественным отношением между гражданином и религиозной общиной, был признан создающим гражданские права в соответствии с законодательством Венгрии, указывая на то, что церковное право признает применимость государственного закона к деликтной ответственности в отношениях между церковью и ее духовенством. Он также подчеркнул, что церковь-ответчик никогда не полагалась на исключительную компетенцию в таких вопросах. Затем он утверждал при отсутствии возражений против этого пункта со стороны властей государства-ответчика, что в соответствии с применимым законодательством его служебное жалование облагается налогом как доход, получаемый от работы по найму. По мнению заявителя, государство, таким образом, не может, с одной стороны, игнорировать финансовый характер этого жалования и, с другой стороны, считать, что оно порождает юридические обязательства (налоги). Заявитель пояснил, что в действительности у него с Реформатской церковью сложились два различ-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 9 (примеч. редактора).

² *Lex specialis* (лат.) – специальный закон, специальная норма, при расхождении общего и специального закона действует специальный закон. *Lex specialis derogat generali* – специальный закон отменяет действие (для данного дела) общего закона, специальная норма имеет преимущество над общей нормой (примеч. редактора).

ных правоотношения: одно – церковного характера, связанного с его пастырским служением как таковым, а другое – по существу материального характера в отношении его пастырского жалования. В своих доводах он отметил, что последнее правоотношение не связано с церковной автономией и касается лишь имущественных требований частного характера. Следовательно, государственные суды должны были вынести решение по его иску, а не отказываться рассматривать его (см. §§ 56–58 настоящего Постановления).

12. Более конкретно, основываясь на пункте первом статьи 277 и пункте первом статьи 478 Гражданского кодекса Венгрии (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела), заявитель главным образом добивался в государственных судах выплаты просроченных платежей, вытекающих из агентского договора, который, по его мнению, был у него заключен с церковью. Он утверждал, что с 22 октября 2005 г., когда его временное отстранение от должности, как утверждается, стало незаконным, до даты прекращения срока его назначения на должность он имел право на вознаграждение за свои услуги, которое соответствовало жалованию за службу, установленную в его письме о назначении. Таким образом, он добивался исполнения агентского договора. В качестве альтернативы заявитель основывал свой иск на пункте первом статьи 318 и пункте первом статьи 339 Гражданского кодекса Венгрии, в которых предусматривалось возмещение ущерба за неисполнение агентского договора. По мнению заявителя, церковь-ответчик тем самым нарушила свои договорные обязательства (см. § 18 настоящего Постановления).

13. В своем Постановлении № 32/2003 Конституционный суд Венгрии рассмотрел вопрос о доступе к суду лиц, находящихся на службе у религиозных образований. В частности, он установил следующее (извлечения, приводимые в § 29 Постановления Европейского Суда):

«Исходя из государственных законов и отдельно действующих церковных правил нельзя исключать, что схожие правовые отношения могут регулироваться двумя различными системами норм. Между церковью и ее членами могут существовать отношения, регулируемые внутренними церковными правилами, и при исполнении которых не может быть задействован никакой государственный орган. Однако между одними и теми же сторонами могут существовать также правовые отношения, определяемые и регулируемые законами государства, включая соответствующие имеющиеся средства правовой защиты. Права и обязанности, следующие из правоотношений, основанных на законах государства, могут осуществляться с помощью принуждения со стороны государства...

Государство должно уважать автономию церквей и церковных органов. Однако признавая автономию церквей, необходимо учитывать и дру-

гие основные права и обязанности. Таким образом, право на церковную автономию, включенное в принцип разделения церкви и государства в соответствии с пунктом третьим статьи 60 Конституции, должно толковаться в контексте других основных прав, закрепленных в Конституции за физическими лицами...

В соответствии с основополагающим правом на доступ к суду лицо, служащее в церкви, имеет [так же, как и любой другой гражданин] конституционное право обратиться в государственный суд с тем, чтобы разрешить его правовой спор относительно его работы по найму, если его работа основана на внутригосударственном законодательстве...

Соответственно, опора на принцип разделения церкви и государства не может привести к ущемлению конституционного права на доступ к суду. Рассматривая принцип разделения церкви и государства вместе с правом на доступ к суду, государственные суды обязаны разрешать по существу любой правовой спор, касающийся вытекающих из государственного закона прав и обязанностей лица, находящегося на служении церкви, уважая при этом также автономию церкви...».

14. Вышеприведенные извлечения из этого важного постановления Конституционного Суда Венгрии свидетельствуют о концептуальных и правовых трудностях, которые возникают, когда предпринимаются попытки провести четкую грань между применением обычного и церковного права. В то же время они подчеркивают необходимость обеспечения сбалансированного соблюдения принципа отделения церкви от государства, с одной стороны, и конституционного права на доступ к суду для лиц, находящихся на службе у церкви, с другой стороны. Опора на первое, считает Конституционный суд, не может привести к нарушению второго. Безусловно, эти разумные соображения порождают в каждом отдельном случае чрезвычайно деликатное уравнивание интересов с юридической точки зрения, что в значительной степени сказывается на функционировании принципа верховенства права или, в более общем плане, на структуре самого государства и ограничении его регулятивных полномочий.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

15. В этих обстоятельствах утверждение о том, что позиция заявителя не была даже «доказуемой», «обоснованной» и поэтому не представляла достаточной степени серьезности, представляется чрезмерным. Такая оценка, на мой взгляд, выходит за рамки *prima facie* проверки, которую Европейскому Суду следует проводить при рассмотрении вопроса о применимости статьи 6 Конвенции, и посягает на существо спора. Принимая во внимание вышеизложенное, я считаю, что статью 6 Конвенции следовало объявить применимой в настоящем деле.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ЛУИСА ЛОПЕСА ГЕРРА, НОНЫ ЦОЦОРИЯ И ЮЛИИ ЛАФФРАНК

В настоящем деле большинство судей пришли к выводу о том, что материальные требования пастора-заявителя, которые косвенно были связаны с его церковным служением, не являются гражданским правом согласно внутригосударственному законодательству. Ввиду отсутствия гражданского права большинство судей заявили, что отсутствует вопрос о доступе к правосудию. Со всем почтением мы не согласны с этим мнением. Подобное понимание прецедентного права не только поощряет произвол внутри государства, но и может лишить многих людей, поступающих на церковную службу, защиты гарантий надлежащей правовой процедуры. В конечном счете, настоящее Постановление рискует привести к одобрению той позиции, что все назначения и соглашения о службе, заключаемые с религиозными учреждениями, на которые распространяются внутренние правила церкви, окажутся вне юрисдикции государства. Следовательно, такие соглашения оказываются не подлежащими судебной проверке, и никакие связанные с ними права не имеют юридической силы в соответствии с законодательством страны.

I

Заявитель является бывшим пастором Реформатской (кальвинистской) церкви Венгрии. Его жалование было указано в письме о назначении, изданном приходским Советом пресвитеров. Он был отстранен от службы в качестве дисциплинарной меры за заявление в местной газете о том, что кальвинистской школе-интернату были незаконно выплачены государственные субсидии. Даже до своего окончательного отстранения от службы заявитель был временно отстранен от службы до принятия решения по существу дела на срок не более 60 дней, и ему было сообщено, что он имеет право на получение лишь половины от своего служебного жалования в течение периода временного отстранения от должности. В своем гражданском иске заявитель, в частности, требовал выплатить ему полное жалование, а также причитающуюся ему заработную плату за его деятельность в качестве преподавателя религии в школе.

Что касается второго требования заявителя, [задолженности по выплате заработной платы за деятельность в качестве преподавателя], то Верховный суд пришел к выводу, что заявитель «не сделал каких-либо ссылок на договор между ним и церковным приходом г. Гёдёллэ о преподавании истории церкви, а также не претендовал на какую-либо плату в связи с таким договором. Он впервые выдвинул иск в отношении данного договора в своем ходатайстве о рассмотрении дела [Верховным судом]».

К сожалению, мы не согласны с этим доводом. В настоящем Постановлении воспроизводится информация о том, что указанное исковое требование последовательно выдвигалось на каждом этапе судебного внутригосударственного разбирательства. Как отмечает и сам Европейский Суд, заявитель требовал выплатить ему вознаграждение за преподавание в ходе внутригосударственного судебного разбирательства (см. например, § 15 настоящего Постановления¹) и сослался на само соглашение в Верховном суде (см. § 39 настоящего Постановления). Суды Венгрии не рассмотрели данное требование, поэтому они не заняли позицию относительно существования гражданского права человека в соответствии с внутригосударственным законодательством. Это само по себе равносильно отказу в доступе к правосудию.

Что касается первого искового требования (жалование за период временного отстранения от должности), то Европейский Суд признал, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не может быть применим в отсутствие доказуемого гражданского иска, поскольку внутригосударственные суды считают, что никакое гражданское право лица не может быть реализовано, если отсутствует гражданское право лица в рамках законодательства страны. Суды Венгрии пришли к выводу, что служебные отношения, будучи церковными, не являются обеспеченным правовой санкцией правом, и поэтому «они прекращали производство по делу, устанавливая, что требование заявителя не может быть исполнено в судах государства, поскольку его пастырское служение... регулируется церковным, а не государственным законом» (см. § 72 настоящего Постановления).

Однако данный формальный подход не учитывает надлежащим образом тот факт, что заявитель имел доказуемое имущественное требование по гражданскому праву страны.

В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда пункт 1 статьи 6 Конвенции применяется к спорам (оспариваниям), касающимся гражданских «прав», которые могут быть признаны, по крайней мере, по основаниям, признанным во внутригосударственном законодательстве, независимо от того, защищены ли они также Конвенцией (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Издательство “Перископ” против Франции» (Editions Périscope v. France) от 26 марта 1992 г., § 35, Series A, № 234-B, а также Постановление Европейского Суда по делу «Цандер против Швеции» (Zander v. Sweden) от 25 ноября 1993 г., § 22, Series A, № 279-B). Спор может касаться не только фактического существования права, но и сферы его действия и порядка

¹ В параграфе 15 настоящего Постановления указано: «III. За период с 1 мая 2005 г. по 30 апреля 2006 г. (12 месяцев) выплатить невыплаченное вознаграждение за преподавание в размере...».

осуществления. Наконец, результат разбирательства должен быть непосредственно решающим для данного права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вильхо Эскелинен против Финляндии» (Vilho Eskelinen v. Finland), жалоба № 63235/00, § 62, ECHR 2007-II, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабех Эль Лейл против Франции» (Sabeih El Leil v. France) от 29 июня 2011 г., жалоба № 34869/05, § 40). Согласно Оксфордскому словарю английского языка слово «доказуемый» означает (1) способный быть оспоренным или утверждаемым, (2) открытый для несогласия. Иск заявителя соответствует этому определению.

В отличие от позиции, изложенной в настоящем Постановлении, позицию внутригосударственного права нельзя считать абсолютно решенной. Как Европейский Суд установил в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства» (Roche v. United Kingdom), жалоба № 32555/96, § 120, ECHR 2005-X, текст выделен авторами особого мнения):

«Поэтому при оценке наличия гражданского “права” и определении материально-правовой или процессуальной характеристики оспариваемого ограничения *отправной точкой* должны быть положения соответствующего внутригосударственного законодательства и их толкование судами (см. Постановление Европейского Суда по делу “Массон и Ван Зон против Нидерландов” (Masson and Van Zon v. Netherlands), от 28 сентября 1995 г., Series A, № 327-A, р. 19, § 49). В тех случаях, когда высшие суды всесторонне и убедительно проанализировали точный характер оспариваемого ограничения [на доступ к суду] на основе соответствующей прецедентной практики применения Конвенции и следующих из них принципов, Европейскому Суду следует представить веские причины, чтобы отойти от выводов этих судов, подменяя своей оценкой мнения внутригосударственных судов по вопросу толкования законодательства (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Z и другие против Соединенного Королевства”, § 101) и устанавливать, вопреки их мнению, что, возможно, имело место право, признанное внутригосударственным законодательством».

Опять же, толкование внутригосударственного права является лишь отправной точкой и не исключает наличия гражданского права лица во внутригосударственном праве. Как будет продемонстрировано далее, существуют веские основания для Европейского Суда, чтобы отойти от анализа внутригосударственного высшего суда, учитывая его произвольный характер в настоящем деле.

Как постановлено Конституционным судом Венгрии, в тех случаях, когда существует правоотношение согласно государственному закону, то применяется закон государства. Данный принцип не может быть отменен только признанием параллельных церковных отношений. Хотя в настоящее время Европейским Судом подчеркивается, что он

не может создавать материальное право, которое не имеет правовой основы в соответствующем государстве, он, по-видимому, забывает о том, что существовал спор по поводу «права», которое, можно сказать, по крайней мере, по доказуемым основаниям, признается внутригосударственным правом, а именно требование о наличии агентского договора. Это требование не было надлежащим образом рассмотрено судами Венгрии, которые считали, что такое рассмотрение исключается автоматически из-за церковного характера правоотношений заявителя с церковью¹.

Принятие за чистую монету выводов властей государства-ответчика под предлогом того, что внутригосударственное законодательство должно определяться властями страны, поднимает в данном случае фундаментальный вопрос. Конституционный суд четко обязал суды страны рассмотреть вопрос о том, в какой степени правоотношения с религиозным органом (таким как церковь) могут быть отношениями, регулируемым государственными законом (см. § 29 настоящего Постановления):

«В соответствии с основополагающим правом на доступ к суду лицо, служащее в церкви, имеет [так же, как и любой другой гражданин] конституционное право обратиться в государственный суд с тем, чтобы разрешить его правовой спор относительно его работы по найму, если его работа основана на внутригосударственном законодательстве.

Государственные органы должны определять в соответствии с Конституцией и положениями, указанными в Законе о церкви, относится ли вопрос, возникший в связи с тем или иным правоотношением, к компетенции государственного органа или суда. Следовательно, они должны установить в соответствии с законами государства, существуют ли между сторонами в данном случае правовые отношения, регулируемые законодательством государства...».

В отличие от Верховного суда Конституционный суд не исключил применимости государственного закона только из-за наличия церковного закона. Он сделал это прямо с учетом пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку обладатели права не могут быть лишены доступа к правосудию.

¹ Следует отметить, что церковь заняла непоследовательную позицию в отношении характера имущественных требований. Она утверждала, что имущественные требования к пастору, включая платежи за пользование служебной квартирой, являются «светскими». В случае неплатежа церковь будет подавать иск на пастора на основании гражданского права в (государственный) суд в соответствии с Законом о гражданском судопроизводстве (см. приложение V замечаний заявителя). В деле о возмещении ущерба за несоблюдение агентского договора церковь-ответчик просила отклонить иск и заявила, что другой орган церкви может быть ответчиком по иску. Кроме того, церковь предъявила встречный иск, чтобы компенсировать пользование квартирой (этот вопрос не указан ни в решении суда первой инстанции, ни в процессуальных документах истца, представленных в суд первой инстанции).

Тем не менее суды Венгрии не провели достойного анализа гражданского иска, как того требует Конституционный суд, «поскольку пастырское служение [заявителя] регулировалось церковным, а не государственным законом». Верховный суд отменил в сторону основополагающий вопрос в настоящем деле. Рассмотрев гражданско-правовой характер служебных отношений, Верховный суд постановил, что служение заявителя не является материальным правом по своему характеру, и пришел к выводу, что Гражданский кодекс (и его нормы, касающиеся агентских отношений) неприменим. Это было так, потому что в тех случаях, когда служение считалось духовным, а не материальным, применялся только церковный закон. То, что регулируется церковным правом, является духовным (нематериальным), и положения Гражданского кодекса не применяются. Это замыкающееся в круг рассуждение исключает независимый анализ согласно государственному закону просто на том основании, что действовало церковное право. Однако, по мнению Конституционного суда, соответствующий вопрос заключается не в том, подпадает ли отношение под исключительную юрисдикцию церковного закона (что также является процессуальным препятствием согласно упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства, и не исключает применение статьи 6 Конвенции), а в том, что его статус находится в рамках государственного закона, что требует четкого законодательного положения, делающего исковое требование не подлежащим исполнению. Таково требование статьи 7 и (в частности) подпункта «с» пункта 1 статьи 204 Гражданского кодекса. Пункт 2 статьи 15 Закона о церкви указывает только: «Не может быть использовано государственное принуждение для обеспечения соблюдения внутренних законов и правил церкви». Действительно, правила выплаты компенсации в течение периода временного отстранения от должности определяются внутренними правилами церкви. Вместе с тем в постановлении Конституционного суда ясно указано, что это не исключает возможности применения Гражданского кодекса в тех случаях, когда существует гражданско-правовой договор.

Поскольку назначение заявителя на должность пастора считалось духовным действием и описывалось в соглашении как подчиняющееся церковному праву, Верховный суд постановил, что компенсация за период временного отстранения от должности не применяется. Отсутствует необходимость говорить о том, что на этапе дисциплинарного разбирательства не возникло каких-либо вопросов относительно того, следует ли определять службу пастора как материальную или духовную, имелись лишь обещание жалования и требования. Утверждение о том, что не существует гражданских правоотношений с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 204 Гражданского кодекса (как утверждал Верховный

суд Венгрии), ставит фундаментальный вопрос. Для Верховного суда исковое требование не подлежит исполнению (то есть он признает наличие иска в соответствии с Гражданским кодексом), поскольку он является церковным. Это означает, что для Верховного суда церковное соглашение *ab ovo*¹ не подлежит исполнению, хотя согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 204 Гражданского кодекса, исковое требование не подлежит исполнению только в силу Акта Парламента. «Акт» Реформатской церкви Венгрии не есть Акт Парламента.

II

Настоящее Постановление плохо сочетается с принципами и уровнем защиты, разработанными Европейским Судом в контексте доступа к правосудию.

Европейский Суд согласился (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вильхо Эскелинен против Финляндии», §§ 59–61) с тем, что «должны существовать... быть убедительные причины для исключения любой категории заявителей из защиты пункта 1 статьи 6 Конвенции...» и что «в тех случаях, когда заявители согласно внутригосударственному законодательству имеют право на то, чтобы их требования выплаты жалования были бы рассмотрены судом», некоторые доводы, касающиеся «эффективного функционирования государства или любой другой общественной необходимости», должны быть выдвинуты, что может потребовать исключения конвенционной защиты от несправедливых или длительных разбирательств». Исходя из изложенного Европейский Суд постановил, что «если внутригосударственная система препятствует доступу к суду, то он проверяет, действительно ли спор является таким, чтобы оправдать применение исключения из гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Если спор не таков, то отсутствуют какие-либо вопросы, и пункт 1 статьи 6 Конвенции будет применим к делу».

Кроме того, Европейский Суд отказался поддерживать абсолютную неприкосновенность депутатов или одобрить неограниченный дипломатический иммунитет (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чудак против Литвы» (*Cudak v. Lithuania*), жалоба № 15869/02, *ЕСПЧ* 2010, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабех Эль Лейл против Франции»). Странно, что, когда в деле речь идет об автономии церкви, Европейский Суд стремится расширить ее иммунитет. Это делается под видом вывода о неприменимости пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку отсутствует какое-либо гражданское право лица.

¹ *Ab ovo* (лат.) – букв. от яйца, изначально, с самого начала (примеч. редактора).

III

Последствия настоящего Постановления вызывают тревогу не только потому, что оно занимает узкую позицию для определения того, что считается материальным гражданским правом лица для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции. Логика настоящего Постановления заключается в том, что в тех случаях, когда церковь (связанная или нет с конкретными доктринальными предписаниями) решает создать церковную юрисдикцию, государство отказывается от своей собственной, как если бы церковь была суверенной властью для определения того, кто обладает юрисдикцией в государстве (еще раз, это не то, что решил Конституционный суд, но это подход, который сегодня, по-видимому, одобряет Европейский Суд). Последствия подобного подхода для защиты прав личности вызывают тревогу.

Не может быть сомнений в том, что, приняв свое назначение в церковь, заявитель согласился быть лояльным к этому учреждению. Однако нельзя истолковывать его подпись на служебном письме как личное и недвусмысленное обязательство ни при каких условиях не возбуждать гражданских исков против церкви. Нельзя говорить и о том, что только из-за того, что речь шла о стандартном церковном соглашении, каждый элемент отношений автоматически регулируется церковными правилами и, следовательно, находится за пределами действия юрисдикции государства.

Мы полагаем, что озабоченность, выраженная в особых мнениях судей в Постановлении Палаты Европейского Суда по настоящему делу, стала еще более актуальной: «Вывод в данном деле естественно и законно наводит на вопросы о том, какие другие права (бывших) священнослужителей, изложенные в церковных документах, могли быть принесены в жертву абсолютной церковной автономии, как это воспринимается большинством судей. Будут ли такие права включать пенсионные права? Иные права социального обеспечения? Права на медицинское страхование?» (см. пункт 30 совместного особого мнения судей Шайо, Вучинича и Куриса в Постановлении Палаты Европейского Суда по настоящему делу).

Разумеется, что Конвенция требует уважения свободы религии и эта свобода влечет за собой обязанность соблюдать церковную автономию. Было бы неприемлемо, как правильно пришли к выводу Конституционный и Верховный суды, разрешать государственным органам обеспечивать соблюдение внутренних церковных правил. Однако это не означает, что, когда религиозная организация объявляет вопрос «внутренним», такие организации в одностороннем порядке могут лишить заинтересованную сторону государственной юрисдикции, если затрагиваемые отношения имеют светский характер. Настоящее дело не касается уместности преподавания религии заявителем (что не является вопросом в настоящем деле), а также умест-

ности его критики церковных властей по вопросу, не связанному с преподаванием религии (который был положен в основу дисциплинарного разбирательства). Церковная автономия может требовать судебного уважения к религиозному учению, согласно которому священник или пастырь осуществляет несветское служение¹. Однако ответчик вовсе не утверждал этого, и его иск касался светских отношений, связанных с дисциплинарным делом.

Несмотря на то, что автономия религиозных организаций должна уважаться, как свидетельствует прецедентная практика Европейского Суда, это не предоставляет иммунитета таким организациям. Как указано в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (*Fernandez Martinez v. Spain*), жалоба № 56030/07, ECHR 2014 (извлечения), необходимо продемонстрировать, что риск для церковной автономии реален и важен, но это, конечно, не так в данном случае².

Настоящее Постановление соглашается с созданием дуалистичной правовой системы, в которой отказано в элементарном суверенитете государства, а внутригосударственная правовая система со своими средствами защиты прав остается недостижимой для некоторых правовых споров. В результате государство отказывается от своей обязанности обеспечивать надлежащую судебную защиту многим своим гражданам.

¹ Согласно учению некоторых церквей священническое служение является *sacerdotium*, иными словами, священник служит Богу, и его обрядовая деятельность не может рассматриваться как регулируемая договором между людьми.

² См.: упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 132:

«...Ограничения автономии

132. Простое утверждение религиозной общины о том, что существует реальная или потенциальная угроза ее автономии, не является достаточным для того, чтобы какое-либо вмешательство в осуществление права ее членов на уважение их частной или семейной жизни соответствовало статье 8 Конвенции. Кроме того, религиозная община должна также показать с учетом обстоятельств конкретного дела, что предполагаемый риск является вероятным и существенным и что оспариваемое вмешательство в осуществление права на уважение частной жизни не выходит за рамки того, что необходимо для устранения данного риска, и не служит какой-либо иной цели, не связанной с осуществлением религиозной общиной своей автономии. Оно также не должно затрагивать существа права на частную и семейную жизнь. Внутригосударственные суды должны обеспечить выполнение этих условий путем углубленного изучения обстоятельств дела и установления тщательного баланса между конкурирующими интересами, стоящими на кону (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Профсоюз "Добрый Пастырь" против Румынии», § 159)».

Имущественные права заслуживают такого же уровня защиты, как и частная жизнь, и данная защита не может быть поставлена в зависимость от циркулярных процессуальных препятствий.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

I. ВСТУПЛЕНИЕ (§§ 1–4)

1. Я не могу присоединиться к этому отнюдь не вдохновляющему Постановлению. Большая Палата Европейского Суда по правам человека (далее – Большая Палата Европейского Суда) имела два возможных юридических пути для рассмотрения этого дела. Либо применить основные принципы прецедентной практики Европейского Суда, касающейся права на доступ к правосудию, либо пересмотреть свою прецедентную практику с учетом критики, высказанной в ее адрес. По причинам, которые остаются в сфере неизвестного, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда предпочли не следовать ни одному из этих путей.

2. Вместо этого самые трудные решения принимаются с помощью сглаживания углов с целью прийти к predetermined выводу. Во-первых, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда проигнорировали тот важнейший факт, что Верховный суд не отклонил иск заявителя по существу, а просто прекратил рассмотрение его дела¹. Во-вторых, большинство судей не рассмотрели вопрос о природе ограничения права на доступ к суду в деле заявителя. В-третьих, большинство судей не захотели определять и обосновать объем усмотрения в данном деле, тем более обсуждать, существует ли европейский консенсус в вопросе о доступе к суду в имущественных спорах, касающихся духовенства, принимая без обсуждения, что решение Верховного суда о прекращении дела не было произвольным. Ознакомившись с мнением судьи Шайо, я должен заявить, что разделяю некоторые соображения моего ученого коллеги в этом отношении, особенно относительно конституционной практики Венгрии и несовместимости решения Верховного суда Венгрии с такой практикой.

3. Прими большинство судей во внимание строго процессуальный характер решения Верховного суда от 28 мая 2009 г. и, следовательно, процессуальный характер ограничения права заявителя на доступ к правосудию, они должны были бы сделать вывод в строгом соответствии с канонами традиционной прецедентной практики Европейского Суда, что статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) была применима к делу. Впоследствии, всё еще в соответствии с логикой традиционной прецедентной практики Европейского Суда, большинство судей должны были бы представить указанное ограничение на критерии правомерной цели и пропорциональности меры, принимая во внимание соответствующие правовые рамки Договаривающихся

Государств по этому вопросу, для того, чтобы определить наличие или отсутствие европейского консенсуса по данному вопросу и необходимые пределы усмотрения, предоставляемые государствам, и, следовательно, оценить, имело ли место нарушение статьи 6 Конвенции. Поскольку ни один из этих вопросов даже не был сформулирован, не говоря уже об ответах, цель настоящего мнения состоит именно в том, чтобы ответить на вопросы, от которых таким образом уклоняется большинство судей.

4. Следует признать, что в силу своих индивидуальных особенностей настоящее дело также предоставляет уникальную возможность для столь необходимого рассмотрения устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда по вопросу о различии между иммунитетом от ответственности² и иммунитетом от искового преследования³ и предполагаемым вытекающим из этого различием правового режима для целей статьи 6 Конвенции. Несмотря на постоянную критику, которую прецедентная практика Европейского Суда вызывала в течение ряда лет, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда даже не рассматривают этот более широкий вопрос явно шире, аксиоматично предполагая правильность данного различия и делая выводы для целей применимого правового режима. В настоящем мнении я также пытаюсь оценить, имеет ли этот традиционный методологический подход логический смысл.

ЧАСТЬ I (§§ 5–21)

II. Ограничения права на доступ к суду (§§ 5–14)

(a) Принципы, разработанные в прецедентной практике Европейского Суда (§§ 5–7)

5. В прецедентной практике Европейского Суда неоднократно указывалось, что для того, чтобы был применен пункт 1 статьи 6 Конвенции в его «гражданско-процессуальном» аспекте, должен существовать спор по поводу «права», о котором можно сказать, по крайней мере, на доказуемых основаниях, что оно признано во внутригосударственном законодательстве, вне зависимости от того, защищено ли это право Конвенцией. Спор

² Для целей настоящего мнения под иммунитетом от ответственности или материальным иммунитетом понимается как ограничение основания для иска по причине отсутствия заявленного права в правовой системе страны.

³ Для целей настоящего мнения иммунитет от искового преследования или процессуальный иммунитет понимается как освобождение от юрисдикции внутригосударственных судов. Следствием этого иммунитета является то, что подавшему иск лицу будет отказано в доступе в суд, поскольку запрещена подача его иска против обладателя иммунитета.

¹ Я имею в виду решение Верховного суда от 28 мая 2009 г. (далее – решение), см. § 24 настоящего Постановления.

должен быть подлинным и серьезным. Он может касаться не только фактического существования права, но и сферы его действия и порядка осуществления. Результат разбирательства должен иметь непосредственное решающее значение для рассматриваемого права, поскольку одних лишь незначительных связей или отдаленных последствий недостаточно для того, чтобы ввести в действие пункт 1 статьи 6 Конвенции¹.

6. Пункт 1 статьи 6 Конвенции не гарантирует определенного содержания гражданских «прав и обязанностей» в материальном праве Договаривающихся Государств: Европейский Суд не может создавать путем толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материальное право лица, которое не имеет правовой основы в соответствующем государстве². Для того, чтобы решить, действительно ли данное «право» имеет основу во внутригосударственном праве, отправной точкой должны служить положения соответствующего законодательства страны и их толкование судами³. Другие критерии, которые могут быть рассмотрены Европейским Судом, включают «признание предполагаемого права в аналогичных обстоятельствах внутригосударственными судами или тот факт, что последние рассмотрели существо жалобы заявителя»⁴. Однако «характер законодательства, которое регулирует, как будет разрешено дело (гражданское, хозяйственное, административное

и так далее), и органа власти, который наделен полномочиями в этом деле (обычные суды, административный орган и так далее), не имеет особого значения»⁵.

7. Европейскому Суду необходимо предоставить веские основания для того, чтобы отойти от выводов, сделанных высшими судами страны, устанавливая, вопреки их мнению, что, вероятно, существует право лица, признанное во внутригосударственном законодательстве⁶. Тем не менее понятие «гражданское право» является автономным в том смысле, что оно имеет свое собственное конвенционное значение независимо от того, как данный термин понимается в правовой системе государства. При проведении своей оценки Европейский Суд должен смотреть за пределы видимости и используемого языка и концентрироваться на реалиях ситуации⁷. В противном случае государства смогут обойти статью 6 Конвенции, обозначив жалобы таким образом, чтобы лишить заинтересованных лиц доступа к судебным средствам правовой защиты. Кроме того, Конвенция, включая предоставленное ею право на суд, должна толковаться Европейским Судом с учетом обстоятельств сегодняшнего дня, и отсутствие единой европейской точки зрения не препятствует ее эволютивному толкованию⁸. Наконец, это право, как оно утверждается истцом в рамках внутригосударственных процедур, которое должно приниматься во внимание для того, чтобы оценить, является ли применимым пункт 1 статьи 6 Конвенции⁹. В тех случаях, когда имеется подлинный и серьезный

¹ См. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary), жалоба № 20261/12, § 100, ECHR 2016, Постановление Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга» (Boulois v. Luxembourg), жалоба № 37575/04, § 90, ECHR 2012, а также Постановление Европейского Суда по делу «Бочан против Украины (№ 2)» (Bochan v. Ukraine) (№ 2), жалоба № 22251/08, § 42, ECHR 2015.

² См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (James and Others v. United Kingdom) от 21 февраля 1986 г., жалоба № 8793/79, § 81, Series A, № 98, Постановление Европейского Суда по делу «Литгоу против Соединенного Королевства» (Lithgow v. United Kingdom) от 8 июля 1986 г., жалоба № 9006/80, § 192, Series A, № 102, Постановление Европейского Суда по делу «Святые монастыри против Греции» (Holy Monasteries v. Greece) от 9 декабря 1994 г., жалоба № 13092/87, § 80, Series A, № 301-A, Постановление Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства» (Roche v. United Kingdom), жалоба № 32555/96, § 119, ECHR 2005-X, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга», § 91.

³ См. в качестве недавно принятого примера Постановление Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и корпорация “Монтана менеджмент Инк.” против Швейцарии» (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland), жалоба № 5809/08, § 97, ECHR 2016.

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии» (Vilho Eskelinen and Others v. Finland), жалоба № 63235/00, § 41, ECHR 2007-II, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга», § 94.

⁵ Постановление Европейского Суда по делу «Георгиадис против Греции» (Georgiadis v. Greece) от 29 мая 1997 г., § 30, Reports of Judgments and Decisions 1997-III, Постановление Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (Micallef v. Malta), жалоба № 17056/06, § 74, ECHR 2009, а также Постановление Европейского Суда по делу «J.S. и A.S. против Польши» (J.S. and A.S. v. Poland) от 24 мая 2005 г., жалоба № 40732/98, § 46.

⁶ См. выше § 91.

⁷ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга», § 93.

⁸ См. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Фельдбрюгге против Нидерландов» (Feldbrugge v. Netherlands) от 29 мая 1986 г., Series A, № 99, Постановление Европейского Суда по делу «Доймланд против Германии» (Deumeland v. Germany) от 29 мая 1986 г., Series A, № 100, а также Постановление Европейского Суда по делу «Салеси против Италии» (Salesi v. Italy) от 26 февраля 1993, Series A, № 257-E. В действительности отсутствие единообразного европейского взгляда было главным выводом судей, выступивших с особыми мнениями по делам «Фельдбрюгге против Нидерландов» и «Доймланд против Германии». Большинство судей решили, что эти судьи были неправы, и прецедентная практика впоследствии подтвердила мнение этого большинства.

⁹ См. Решение Европейского Суда по делу «Фонд матерей Сребреницы и другие против Нидерландов» (Stichting Mothers of Srebrenica and Others v. Netherlands), жалоба № 65542/12, § 120, ECHR 2013 (извлечения).

спор о наличии права, заявленный истцом в соответствии с внутригосударственным законодательством, решение суда страны об отсутствии такого права не устраняет ретроспективно доказуемость иска¹.

(b) О материально-правовых ограничениях права на доступ к суду (§§ 8–14)

8. Право на справедливое судебное разбирательство, как оно гарантировано пунктом 1 статьи 6 Конвенции, должно толковаться в свете принципа верховенства права, который требует, чтобы все стороны в судебном процессе имели в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты, позволяющие им отстаивать свои гражданские права². Каждый человек имеет право на предъявление в суд любого иска, касающегося его гражданских прав и обязанностей. Таким образом, одним из аспектов «права на правосудие» является право на доступ к суду, то есть право на возбуждение дела в судах по гражданским делам³. Хотя Европейский Суд не может создать с помощью толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материальное право, которое не имеет правового основания в соответствующем государстве⁴, статья 6 Конвенции будет применяться к спорам «подлинного и серьезного характера», касающимся фактического существования «права», а также сферы его действия или способа его осуществления⁵. Если дело касается спора между физическим лицом и государственным органом, то вопрос о том, действовал ли последний в качестве частного лица или в суверенном качестве, не является окончательным. При

выяснении того, касается ли спор определения гражданского права лица, значение имеет только характер рассматриваемого права, а именно его материальное содержание и последствия, а не его правовая квалификация согласно внутригосударственному праву соответствующего государства⁶. Таким образом, то обстоятельство, что ответчик является государственным органом и оспариваемый акт квалифицируется в соответствии с внутригосударственным правом как публичный, не является решающим для вопроса о том, связан ли спор с определением того или иного гражданского права человека.

9. Однако Европейский Суд всегда считал, что право доступа к правосудию, обеспеченное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, не является абсолютным и может подлежать ограничениям. Они допускаются подразумеваемо, так как право доступа к суду «по самой своей природе требует регулирования со стороны государства, которое может варьироваться во времени и в пространстве в зависимости от нужд и потребностей общества и отдельных лиц»⁷. В этом отношении Договаривающиеся Государства пользуются определенными пределами усмотрения, хотя окончательное решение относительно соблюдения требований Конвенции остается за Европейским Судом. Он должен убедиться в том, что применяемые ограничения не затрудняют и не сокращают доступ к правосудию, предоставляемый лицу, таким образом или в такой степени, что это умаляет саму суть права. Кроме того, ограничение права доступа к правосудию не будет совместимо с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует законную цель⁸ и отсутствует разумное соотношение пропорциональности между исполь-

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Z. и другие против Соединенного Королевства» (Z. and Others v. United Kingdom), жалоба № 29392/95, § 89, ECHR 2001-V.

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Белеш и другие против Чешской Республики» (Běleš and Others v. Czech Republic), жалоба № 47273/99, § 49, ECHR 2002-IX.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Чудак против Литвы» (Cudak v. Lithuania), жалоба № 15869/02, § 54, ECHR 2010, Постановление Европейского Суда по делу «Правящий князь Лихтенштейна Ганс-Адам II против Германии» (Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany), жалоба № 42527/98, § 43, ECHR 2001-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom) от 21 февраля 1975, § 36, Series A, № 18. Показательно, что власти Соединенного Королевства и трое судей, выступившие с особыми мнениями и несогласные с выводом по делу «Голдер против Соединенного Королевства», утверждали, что широкое толкование статьи 6 Конвенции в том смысле, что она также включает право доступа к суду, налагает новые и, следовательно, незаконные обязательства на Договаривающиеся Государства.

⁴ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», §§ 116–117.

⁵ См. Постановление Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии» (Markovic and Others v. Italy), жалоба № 1398/03, § 98, ECHR 2006-XIV, с дальнейшими отсылками.

⁶ См. Постановление Европейского Суда по делу «Кёниг против Германии» (König v. Germany) от 28 июня 1978 г., жалоба № 6223/73, §§ 89–90, Series A, № 27.

⁷ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства», § 38, в котором цитировалось Постановление пленарного заседания Европейского Суда по «Бельгийскому делу о языках» (Belgian Linguistic Case) от 23 июля 1968 г., § 5, Series A, № 6.

⁸ Как правило, Европейский Суд считает, что иммунитеты от судебного преследования служат законным целям (см. об имунитете международных организаций Постановление Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» (Waite and Kennedy v. Germany), жалоба № 26083/94, § 61, ECHR 1999-I, о депутатской неприкосновенности – Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» (A. v. United Kingdom), жалоба № 35373, § 77, ECHR 2002-X). Оценка Европейского Суда может определяться «исключительными обстоятельствами» дела, как по делу «Правящий князь Лихтенштейна Ганс-Адам II против Германии», § 59. Иногда Европейский Суд не отвечает конкретно на утверждение о том, что цель предоставления иммунитета является незаконной, например, как в Постановлении Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (Al-Adsani v. United Kingdom), жалоба № 35763/97, § 47, ECHR 2001-XI, и Постановлении Европейского Суда по делу «Макэлхинни против Ирландии» (McElhinney v. Ireland) от 21 ноября 2001 г., жалоба № 31253/96.

зуемыми средствами и целью, которую стремятся достичь (критерий, установленный по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства»). Данный критерий пропорциональности также требует оценки альтернативных средств для того, чтобы возбудить дело¹. В конечном счете, отсутствие каких-либо альтернативных средств нанесет ущерб существу данного права, поскольку это будет означать отказ в правосудии².

10. Прецедентная практика Европейского Суда проводит различие между материально-правовыми ограничениями и процессуальными препятствиями на доступ к правосудию. Это различие в ряде случаев определило применимость статьи 6 Конвенции³, в то время как в иных ситуациях она сыграла роль в рассмотрении сферы действия гарантий статьи 6 Конвенции⁴. В любом случае Европейским Судом во всех этих делах было подтверждено, что статья 6 Конвенции в принципе не применяется к случаям материально-правовых ограничений права, существующих в соответствии с внутригосударственным законодательством⁵.

¹ Данный тест разработан в Постановлении Европейского Суда по вводящему делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (*Ashingdane v. United Kingdom*) от 28 мая 1985 г., жалоба № 8225/78, § 57, Series A, № 93, и с того времени ему следовали во многих других делах, таких как Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Услуги по подъему грузов” против Франции» (*Levages Prestations Services v. France*) от 23 октября 1996 г., § 40, *Reports* 1996-V, а также упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам «Уэйт и Кеннеди против Германии», § 59, «Чудак против Литвы», § 55, Решение Европейского Суда по делу «Фонд матерей Сребреницы и другие против Нидерландов», § 139, *ECtHR* 2013 (извлечения).

² См. среди многих прочих примеров по данному вопросу упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии», §§ 68 и 73, и Постановление Европейского Суда по делу «Беер и Реган против Германии» (*Beer and Regan v. Germany*) от 18 февраля 1999 г., жалоба № 28934/95, §§ 58 и 63. Иногда Европейский Суд обходит вопрос о защите существа права (см., например, подход, примененный в Постановлении Европейского Суда по делу «Правящий князь Лихтенштейна Ганс-Адам II против Германии», который был подвергнут критике судьей Коста в его отдельном мнении, как «неортодоксальный и нелогичный»).

³ См. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам «Роч против Соединенного Королевства», § 124, «Z и другие против Соединенного Королевства», § 100.

⁴ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии», § 114, и Решение Европейского Суда по делу «Мюллер против Германии» (*Müller v. Germany*) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 12986/04.

⁵ Это была позиция Комиссии по правам человека, начиная от ее Решения по делу «Агее против Соединенного Королевства» (*Agee v. United Kingdom*) от 17 декабря 1976 г., жалоба № 7729/76, DR7, р. 175, и далее в Решении по делу «Дайер против Соединенного Королевства» (*Dyer v. United Kingdom*) от 9 октября 1984 г., жалоба № 10475/83, DR39, р. 251. Согласно позиции Комиссии по правам человека иммунитет привел к аннулированию оснований иска, хотя право, утверждаемое истцом, может вообще существовать в соответствии с внутригосударственным законодательством.

Это объясняется тем, что в результате толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции не может быть создано материальное право, не имеющее правовой основы в соответствующем государстве⁶.

11. Фактически в самом первом деле, в котором Европейским Судом было установлено нарушение статьи 6 Конвенции на основании несоразмерности абсолютного, автоматического, общего иммунитета, предоставленного в законодательстве Договаривающегося Государства, было доказано, насколько юридически искусственным и проницаемым для внесудебных соображений является различие, проводимое Европейским Судом⁷. Реакция британцев на Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» была яростно критической⁸. Европейскому Суду были адресованы два основных замечания: он неправильно понял британское право, поскольку оно не признает права предъявлять полиции иски о халатности в отношении расследования и пресечения преступлений, и что он создал новое право предъявлять иски полиции за ущерб за счет государственных средств и, таким образом, превысил свои полномочия и проявил неуважение к автономии британского парламента. Эта критика сопровождалась угрозами о возможном выходе из членства в Страсбургском суде, который стремится «навязать всем государствам-членам вольтерьянское единообразие ценностей»⁹. Ни одно из этих критических замечаний и угроз не является исключительным, они неоднократно высказывались и в других случаях. Они, очевидно, служили единственной целью, которая была достигнута двумя годами позже: Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» было отменено Постановлением Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства»¹⁰, в котором делалась ссылка на кри-

⁶ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», §§ 116–117.

⁷ См. Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., жалоба № 23452/94, §§ 151–152, *ECtHR* 1998-VIII

⁸ См.: *Lord Hoffman*. Human Rights and the House of Lords // *The Modern Law Review*, 1999. P. 162; *Barrett*. Negligence and Discretionary Powers // *Public Law*, 1999. P. 630; *Weir*. Down the hill – all the way? // *Cambridge Law Journal*, 1999. P. 4; *Lunney*. A Tort Lawyer’s View of *Osman v. United Kingdom* // *King’s College Law Journal*, 1999. P. 238; *Gearty*. Unravelling *Osman* // *Modern Law Review*, 2001. P. 159; *Lidbetter/George*. Negligent Public Authorities and convention rights – The Legacy of *Osman* // *European Human Rights Law Review*, 2001. P. 599; *Kickman*. The «uncertain shadow»: Throwing Light on the Right to a Court under Article 6 (1) of the Convention // *Public Law*, 2004. P. 122.

⁹ См.: *Lord Hoffman*. Human Rights and the House of Lords. P. 164.

¹⁰ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», § 100

тические замечания лорда Браун-Уилкинсона по делу «Баррет против Совета Энфильдского района Лондона» (Barret v. Enfield London BC)¹.

12. Настоящее дело еще раз доказывает, что различие между процессуальными и материально-правовыми ограничениями права на доступ к правосудию является иллюзорным. Несмотря на то, что большинство судей Большой Палаты Европейского Суда настаивали на сохранении различия², они рассмотрели дело без вынесения решения о характере или даже о существовании ограничения права заявителя на доступ. Европейский Суд поступал подобным образом и в других делах³, где

(«Европейский Суд подтолкнули на вывод о том, что неспособность заявителей подать иск против местного органа власти следует не из иммунитета, а из применимых принципов, регулирующих материальное право на иск во внутригосударственном праве. Не было никаких ограничений на доступ к суду такого рода, как рассматривалось в Постановлении Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства»). См. в качестве контркритики этого подхода частично особое мнение судей Розакиса и Палм («При таких обстоятельствах как мы можем провести различие между делом “Осман против Соединенного Королевства” и настоящим делом?») и частично особое мнение судьи Томассен, к которому присоединились судьи Касадеваль и Ковлер («Причины, по которым большинство судей не следуют решениям в деле “Осман против Соединенного Королевства” (см. § 100 Постановления), не являются, на мой взгляд, убедительными. Как представляется, в законе о халатности не произошло каких-либо заметных или существенных изменений со времени рассмотрения этого дела, и все соответствующие вопросы, касающиеся содержания внутригосударственного законодательства, были доведены до сведения Европейского Суда сторонами в деле “Осман против Соединенного Королевства”. Я считаю, что заключение по статье 6 в настоящем деле должно быть таким же»).

¹ См. Решение британского суда по делу «Баррет против Совета Энфильдского района Лондона» (Barret v. Enfield London BC) (1999) 3 WLR, p. 85.

² См. § 61 Постановления, в котором также имеется ссылка на упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Греко-католический приход г. Лупени и другие против Румынии», § 100. Фактически большинство судей даже сочли это различие «определяющим» для применимости статьи 6 Конвенции.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства» (Fayed v. United Kingdom) от 21 сентября 1994 г., § 67, Series A, № 294-B, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства», § 65. В последнем деле власти государства-ответчика утверждали, что содержание гражданского права на репутацию в национальном законодательстве было определено по правилам абсолютной депутатской неприкосновенности, и что человек, репутация которого пострадала от парламентского выступления, следовательно, не имел возможности на обращение в суд с требованием, например, привести в действие процессуальные гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции. В первом деле, поскольку на доклад инспекторов распространялась скорее ограниченная, чем абсолютная привилегия, ни инспекторы, ни министр не могут быть успешно привлечены к ответственности за клевету при публикации доклада, за исключением случаев, когда доказано наличие явного злого умысла. Это означает, что Европейский Суд приравнивал дело с абсо-

он заключал, что при разрешении жалобы в процессуальном плане в контексте статьи 6 Конвенции или в материально-правовом плане в контексте статьи 8 Конвенции, при том, что Европейский Суд правомочен проводить переквалификацию, возникнут всё те же основные вопросы о законной цели и пропорциональности. Следует, однако, отметить, что в обоих случаях, когда он делал это, Европейский Суд, в конечном счете, не устанавливал нарушения статьи 6 Конвенции.

13. Кроме того, формальный характер разделительной линии между процессуальными и материально-правовыми ограничениями того или иного права в соответствии с внутригосударственным законодательством был признан самим Европейским Судом, который указал, «что иногда это может быть не более чем вопрос о законодательной технике, выражается ли ограничение с точки зрения права или средства его правовой защиты»⁴. О таком формализме различия, проводимого Европейским Судом, может свидетельствовать абсурдный аргумент, основанный на одном гипотетическом примере: если законодательство лишает всех чернокожих людей права предъявлять иск определенному государственному органу, то для этой категории людей не будет гражданского права, поэтому любая жалоба на подобное законодательство будет выходить за рамки статьи 6 Конвенции и, следовательно, статья 14 Конвенции также не будет применима к делу. Очевидно, что ни одно правовое государство не согласится с таким абсурдным результатом⁵. Следовательно, законная цель и критерии пропорциональности должны применяться к любому ограничению права на доступ к правосудию. Как признал сам Европейский Суд,

«не будет отвечать принципу верховенства права в демократическом обществе или основному принципу, закрепленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции, а именно, что гражданские иски должны иметь возможность быть представленными судье для вынесения решения, если государство могло бы без ограничений или контроля со стороны исполнительных органов Конвенции

люотной привилегией с делом об ограниченной привилегии, подчиняясь как законной цели, так и критерию пропорциональности. По сути Европейский Суд действовал таким же образом, как в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по вводящему делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства», § 54.

⁴ См. выше, § 67.

⁵ См. в качестве другого примера мнение судьи Петтити, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства»: «Рассмотрим исключительный пример: водитель автобуса, перевозящего медсестер или пациентов, который несет ответственность за дорожно-транспортное происшествие без явной небрежности с его стороны, выиграет от предоставленного ему иммунитета от судебной ответственности, а потерпевшие не смогут возбудить эффективное судебное разбирательство по деликтному иску против государства».

изъять из юрисдикции судов целый ряд гражданских исков или предоставить иммунитет от гражданской ответственности большим группам или категориям лиц»¹.

14. Таким образом, можно сделать вывод о том, что различие между иммунитетом от ответственности и иммунитетом от иска является логической ошибкой², которая направлена на то, чтобы лишить граждан эффективного судебного средства правовой защиты против правонарушающих действий и бездействия определенных привилегированных государственных органов (например, полиции или армии) в правовых системах некоторых Договаривающихся Государств, как бы не мог быть велик ущерб от них или насколько легко можно было бы избежать их, причем лежащая в основе этого утилитарная философия права состоит в том, что интересы людей могут быть принесены в жертву ради большего блага, поддерживаемого данными органами. Это не новый вопрос в европейской правовой истории³. Во времена Древнего Рима Челсо определял судебный иск как *ius persequendi in iudicio quod sibi debetur* («Иск есть не что другое, как право добиваться судом того, что себе причитается»), что основывалось на

¹ См. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Файед против Соединенного Королевства», § 65, «Аль-Адсани против Соединенного Королевства», § 47, а также Постановление Европейского Суда по делу «Фогарти против Соединенного Королевства» (*Fogarty v. United Kingdom*) от 21 ноября 2001 г., жалоба № 37112/97, § 25, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Макэлхинни против Ирландии», § 24. В последнем деле Европейский Суд не согласился с мнением властей государства-ответчика о том, что в силу действия государственного иммунитета заявитель не имел права согласно внутригосударственному законодательству. Европейский Суд отметил, что первоначальный иск против государства не запрещен: если власти государства-ответчика решат отказаться от иммунитета, то иск будет рассматриваться в судебном порядке до проведения слушания и вынесения решения. Предоставление иммунитета следует рассматривать не как ограничение права, а как процессуальное препятствие для полномочий судов страны решать вопрос об этом праве.

² Симптоматично, что Постановление Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», которое является ведущим прецедентом в этом отношении, было вынесено большинством судей совсем с небольшим перевесом голосов «за».

³ В рамках этого мнения невозможно вступить в обширную научную дискуссию о взаимосвязи между индивидуальным субъективным правом и правом на доступ к правосудию. В качестве введения к этой дискуссии см.: *Windscheid. Der Actio des Römischen Civilrechts von Standpunkt des heutigen Rechts*, 1856; *Vass. Le Droit d'Agir en Justice*, 1914; *Betti. Ragione e Azione // Rivista di Diritto Processuale Civile*, 1932. I; *Pekelis. Azione // Nuovo Digesto Italiano*, 1937. II (ссылаясь на 38 различных концепций и признаков судебного иска); *Calamandrei. La Relatività del Concetto d'Azione // RDPC*, 1939, I; *Pugliese. Actio e Diritto Subiettivo*. 1939 (ссылаясь на 14 различных значений слова *actio*); *Carnelutti. Saggio di una Teoria Integrale dell'Azione // Rivista di Diritto Processuale*. 1946; *Liebman. L'azione nella Teoria del Processo Civile // Scritti Giuridici in Onore di Francesco Carnelutti*, 1950. II.

дополнительном предложении, что *nihil aliud est actio quam ius quod sibi debeatur, iudicio persequendi*⁴. Существует долгая история европейских дебатов о взаимосвязи между индивидуальным субъективным правом и правом доступа к суду начиная от тех, кто представлял крайне индивидуалистическое учение, как Виндшильд, отстаивал отдельные субъективные права (*Ansprüche*) без самостоятельного права на доступ к суду, до противоположных крайностей, представляющих крайне публицизированное учение, как Пекелис, выступающих за то, что существует только право на судебный иск, а не самостоятельные субъективные права личности, и от ученых умеренной позиции, которые, как Савиньи, отстаивали мнение, согласно которому право на доступ к суду зависит от индивидуального субъективного права, и тех, кто, как Биндер, утверждали, что индивидуальное субъективное право зависит от права на судебный иск, и это не должно игнорироваться Европейским Судом, который утверждает, что является совестью той же самой Европы. Большая степень исторической осведомленности не нанесла бы вреда постановлениям Европейского Суда, особенно по вопросам с такой родословной. В каком-то смысле судья Зупанчич напомнил именно эту родословную, когда блестяще написал:

«Право без средства правовой защиты является простой рекомендацией («естественным обязательством»). Из этого следует, что право вдвойне зависит от сопутствующего ему средства правовой защиты. Если средства правовой защиты не существует, право не является правом; если не добиваются средства правовой защиты процессуально, право не будет защищено. Право и средства его правовой защиты не только взаимозависимы. Они являются единственными... Вдвойне иронично, что большинство судей должны говорить о том, чтобы избежать простых внешних проявлений и придерживаться реальностей... когда различие, на котором основано постановление, строится на чисто юридической фикции. Мы могли запутаться в другом случае, но лежащая в основе ложная посылка остается. Дилемма обязательно вернется. Очевидно, что для решения данной дилеммы необходимо прекратить присоединяться к ложной посылке»⁵.

Поскольку Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, имеющие практический и эффективный характер⁶, и в особенности право на доступ к судам с учетом того важного места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судеб-

⁴ Digest 44.7.51.

⁵ См. мнение судьи Зупанчича, приложенное к упоминавшему выше Постановлению Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства».

⁶ См. Постановление Европейского Суда по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*), 13 мая 1980 г., § 33, Series A, № 37.

ное разбирательство¹, Европейскому Суду настало время положить конец этому логическому заблуждению.

III. Ограничение права на доступ к суду в спорах, касающихся духовенства (§§ 15–21)

(а) Ограниченная прецедентная практика Европейского Суда в этой сфере (§§ 15–18)

15. Прецедентная практика Европейского Суда, касающаяся споров между священнослужителями и церквями в соответствии со статьей 6 Конвенции, носит весьма ограниченный характер. В большинстве дел Европейский Суд приходил к выводу, что статья 6 Конвенции в ее «гражданско-процессуальном» аспекте неприменима, поскольку во внутригосударственном законодательстве не было признано «право», по крайней мере, по доказуемым основаниям. По этим делам Европейский Суд ограничивался проверкой того, может ли мера, принятая церковными властями и подпадающая под действие церковного права, подлежать судебной проверке судами страны в соответствии с внутригосударственным законодательством, и является ли эта позиция ясной и устоявшейся. По делам, в которых Европейский Суд приходил к выводу о том, что эта мера не подлежит судебной проверке, он поддерживал вывод судов страны о том, что судебная проверка мер, принятых церковными властями, будет посягать на автономию церкви, независимо от того, имеют ли заявленные требования также имущественный характер (например, финансовые последствия, вызванные оспариваемой мерой, такие как увольнение или досрочный выход в отставку). Лишь в одном деле Европейским Судом было признано существование «права» в соответствии с внутригосударственным законодательством ввиду ограниченной судебной проверки, проводимой судами. Однако даже в этом деле Европейский Суд заключил, что ограниченная сфера судебной проверки не является нарушением права на доступ к правосудию, и поэтому признал жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу как явно необоснованную.

16. По делу «Дудова и Дуда против Чешской Республики»² жалоба была подана двумя бывшими священнослужителями Чехословацкой гуситской церкви, которые обратились в суды с заявлением о том, что их увольнение со службы было незаконным, и они ходатайствовали о выплате задолженности по заработной плате. Суды Чешской Республики вынесли решение в их пользу по вто-

рому пункту (задолженность по заработной плате), однако они отказались рассматривать по существу решение об увольнении, в отношении которого церковь обладала исключительной юрисдикцией в силу своего автономного статуса. Европейский Суд постановил, что разбирательство, возбужденное заявителями в отношении законности увольнения, не касалось «права», признанного в соответствии с внутригосударственным законодательством, и поэтому статья 6 Конвенции была неприменима к делу.

По жалобе «Ахтинен против Финляндии»³ Европейским Судом был сделан аналогичный вывод в отношении судебного разбирательства, возбужденного приходским священником для оспаривания решения о передаче его другому приходу, принятого органом его церкви. Европейский Суд принял во внимание позицию Евангелическо-лютеранской церкви в соответствии с законодательством Финляндии и отметил, что законодатель не намеревался предусматривать какого-либо судебного порядка разрешения по существу жалоб священнослужителей, желающих оспорить изменение места их службы. В связи с этим Европейский Суд пришел к выводу, что согласно внутригосударственному законодательству нет оснований считать, что заявитель имел «право» по смыслу статьи 6 Конвенции.

По делам «Бодлер против Германии»⁴ и «Ройтер против Германии»⁵ Европейский Суд счел, что иск, возбужденный заявителями против решений Протестантской церкви о предоставлении им отпуска и во втором случае об обязательном досрочном выходе на пенсию Ройтера, не имел отношения к «праву», признанному в законодательстве Германии. Европейский Суд отметил, что оспариваемые меры, касающиеся церковных назначений, основывались на правилах соответствующих церквей, регулирующих служение членов их духовенства. Следовательно, они регламентировались не законодательством государства, а исключительно церковным правом. В соответствии с нормами судебной практики административные суды постановили, что обжалуемые меры явно представляют собой внутреннее церковное дело, которое не подлежит судебной проверке. Что касается имущественных требований, предъявленных заявителем административным судам в деле «Ройтер против Германии», то эти суды решили, что автоматические материальные последствия оспариваемых мер не подпадают под их юрисдикцию. Европейский

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Айт-Мухуб против Франции» (Ait-Mouhoub v. France) от 28 октября 1998 г., § 52, Reports 1998-VIII.

² Решение Европейского Суда по делу «Дудова и Дуда против Чешской Республики» (Dudová and Duda v. Czech Republic) от 30 января 2001 г., жалоба № 40224/98.

³ Решение Европейского Суда по делу «Ахтинен против Финляндии» (Ahtinen v. Finland) от 23 сентября 2008 г., жалоба № 48907/99.

⁴ Решение Европейского Суда по делу «Бодлер против Германии» (Baudler v. Germany) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 38254/04.

⁵ Решение Европейского Суда по делу «Ройтер против Германии» (Reuter v. Germany) 6 декабря 2011 г., жалоба № 39775/04.

Суд согласился с доводами внутригосударственных судов без дальнейшего рассмотрения материально-характера требований заявителя.

По делу «Мюллер против Германии»¹ Европейский Суд установил, что статья 6 Конвенции применима к трудовому спору между духовенством и церковью. Исходя из практики Верховного федерального суда внутригосударственные суды установили, что они имели ограниченные полномочия по проверке законности и обоснованности решения «Армии спасения» об увольнении заявителей. С учетом этого обстоятельства Европейский Суд пришел к выводу, что заявители могли ссылаться на «право», признанное в соответствии с законодательством Германии, и что в этой связи применима статья 6 Конвенции. Рассмотрев вопрос о том, не нарушила ли такая ограниченная сфера охвата судебной проверки статью 6 Конвенции, Европейский Суд отметил, что данное ограничение следует из права на автономию церквей и религиозных обществ в соответствии с конституционным правом Германии. Таким образом, внутригосударственные суды провели ограниченную проверку законности и обоснованности решения об увольнении в соответствии с новой практикой Верховного федерального суда и пришли к выводу об отсутствии оснований для признания оспариваемого решения произвольным или противоречащим государственной политике или морали. Следовательно, заявители не могли утверждать, что они были лишены какого-либо права на разрешение своих жалоб, и Европейский Суд объявил их жалобу явно необоснованной.

17. Наконец, Европейский Суд имел возможность рассмотреть трудовые споры между священниками или другими служащими и церквями в контексте других положений Конвенции и, в частности, ее статьями 8 и 9. В этой связи Европейский Суд выработал интересную линию прецедентной практики, в соответствии с которой процесс принятия решений, касающихся вмешательства в осуществление прав членов духовенства или других церковных служащих согласно статье 8 Конвенции, должен обеспечивать им необходимую защиту их интересов². Это означает, что при рассмотрении спора заявителя Европейским Судом будет учитываться качество проверки законности и обоснованности, проводимой судами страны³.

18. В сфере трудовых споров между церковными служащими и церквями Европейский Суд высказал также точку зрения о том, что Конвенция налагает на Договаривающиеся Государства позитивные обязательства по созданию системы (тру-

довых) судов, компетентных рассматривать трудовые споры, связанные с правами по статьям 8 и 9 Конвенции, системы, которая могла бы одновременно учитывать церковное право⁴. Поскольку эти дела касались главным образом церковных служащих, а не священнослужителей, Европейскому Суду следует уточнить, могут ли данные принципы также иметь отношение к спорам, затрагивающим исключительно членов духовенства и их имущественные требования.

(b) Европейский консенсус в вопросе о доступе к суду в имущественных спорах, касающихся духовенства (§§ 19–21)

19. Договаривающиеся Стороны Конвенции по-разному решали вопрос о том, обладают ли внутригосударственные суды юрисдикцией рассматривать материальные требования, касающиеся службы текущих или бывших священнослужителей, такие как невыплаченная задолженность по заработной плате. Несмотря на то, что власти государства-ответчика сослались в Палате Европейского Суда и Большой Палате Европейского Суда на отсутствие европейского консенсуса по вопросу взаимоотношений церкви и государства⁵, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда опускают любое рассмотрение этой линии аргументации. На основе имеющейся у Европейского Суда информации сравнительный анализ правовых систем европейских стран ясно показывает, что существует европейский консенсус относительно принципа юрисдикции государства в отношении финансовых споров, касающихся духовенства⁶.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Обст против Германии» (Obst v. Germany) от 23 сентября 2010 г., жалоба № 425/03, § 45, Постановление Европейского Суда по делу «Шют против Германии» (Schüth v. Germany), жалоба № 1620/03, § 59, ECHR 2010, Постановление Европейского Суда по делу «Зибенхаар против Германии» (Siebenhaar v. Germany) от 3 февраля 2011 г., жалоба № 18136/02, § 42.

⁵ См. § 59 Постановления Палаты Европейского Суда и пункт 38 замечаний властей государства-ответчика, представленных в Большую Палату Европейского Суда 20 июня 2016 г., с. 22.

⁶ Это 39 государств, информация по которым была рассмотрена в ходе сравнения: Австрия, Азербайджан, Албания, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Республика Молдова, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Российская Федерация, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Финляндия, Франция, Хорватия, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония, Украина и Соединенное Королевство. С учетом конкретной правовой ситуации в Швейцарии, где вопросы отношения между государством и церковью относятся к компетенции отдельных кантонов, в исследовании конкретно рассматриваются три в основном франкоязычных кантона, Фрибур, Женева и Вале, которые представляют три различные модели отношений. Это исследование не касалось непосредственно мирян, занятых в религиозных организациях, нематериальные вопросы, такие как назначение/наем, отставка/увольнение членов духовенства, а также их пере-

¹ См. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Мюллер против Германии».

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (Fernández Martínez v. Spain), жалоба № 56030/07, § 147, ECHR 2014 (извлечения).

³ Там же, § 148.

20. Учитывая цель сравнения (зачем сравнивать и с какой целью?) и, следовательно, источники и степени сравнения (с чем сравнивать и как сравнивать), представляется целесообразным разделить все обследованные государства и юрисдикции на две категории: во-первых, те, в которых религиозная организация имеет почти полную автономию и даже относительно чисто имущественных жалоб к ней (и, следовательно, государственные суды неправомочны рассматривать подобные жалобы духовенства)¹, а во-вторых, те, в которых возможно судебное рассмотрение имущественных дел². Государства, принадлежащие ко второй категории, могут быть разделены на три группы:

вод или дисциплинарные меры против них, эти вопросы, как правило, охватываются церковной автономией, а также материальные требования, предъявляемые членами духовенства, которые работают в государственных или местных органах власти или учреждениях, например, преподаватели религии, армейские капелланы, тюремные и больничные капелланы и так далее, в таком случае ответчиком является соответствующий орган или учреждение, а не религиозная организация.

¹ Семь государств или юрисдикций (Босния и Герцеговина, Литва, Польша, Румыния, Сан-Марино, Испания и швейцарский кантон Фрибур) признают полную автономию религиозных организаций и полностью своеобразный характер отношений между церковью и ее духовенством. Таким образом, даже чисто материальные иски, подаваемые членами духовенства против своей церкви, не подпадают под юрисдикцию государственных судов (за исключением правовой системы Испании, что касается католического духовенства и служителей других признанных религий, которые приравниваются к служащим только для целей социального обеспечения, то есть с точки зрения их интеграции в общий режим социального обеспечения, до такой степени государственных суды компетентны рассматривать их требования).

² Некоторые государства могут быть одновременно отнесены к нескольким категориям. Помимо Швейцарии, в которой правовой режим сильно отличается от кантона к кантону, четыре других государства находятся в таком двойном или «перекрывающемся» положении, а именно Бельгия, где служители «признанных» конфессий оплачиваются государством и в принципе их деятельность регулируется публичным правом, тогда как деятельность всех других конфессий регулируется частным правом, и заключаются трудовые договоры со своим духовенством или священнослужителями; Франция, где действует режим строгого разделения церкви и государства, за исключением двух территорий, где вопрос регулируется публичным правом; Греция, где клирики Элладской православной церкви и мусульманские муфтии в Западной Фракии считаются государственными служащими, в то время как все другие религиозные служители относятся к сфере частного права; Турция, где суннитские имамы и муфтии, работающие на Директорат по делам религий, также являются государственными служащими, а все остальные религиозные организации действуют в организационно-правовой форме фондов и подчиняются сфере частного права. Для целей подсчета государств или юрисдикций, относящихся к той или иной категории, каждая из этих четырех стран официально считается только один раз. Она отнесена к категории, соответствующей правовому режиму, применимому к доминирующей религии или *lex generalis* («признанные» или «официальные» конфессии в Бельгии, Греции и Турции; большая часть территории французской метрополии).

(1) государства и юрисдикции, в которых отношения между религиозной организацией и ее священнослужителями как таковые являются *sui generis*³, но суды по гражданским делам по-прежнему могут рассматривать чисто имущественные требования⁴, (2) государства и юрисдикции, в которых эти отношения как таковые существуют на основе трудового договора и приравниваются к нему⁵, а также (3) государства и юрисдикции, в которых отношения между религиозной организацией и ее священнослужителями регулируются публичным правом, а соответствующие жалобы рассматриваются в административных судах⁶.

21. В заключение следует отметить, что при рассмотрении вопроса о том, могут ли государственные суды рассматривать чисто имущественные иски, предъявляемые членами духовенства или священнослужителями к религиозной орга-

³ *Sui generis* (лат.) – в своем роде, своего рода, своеобразный (примеч. редактора).

⁴ В 15 государствах (Австрия, Италия, Латвия, Молдавия, Нидерланды, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Украина, Франция, Хорватия, Чешская Республика и Эстония) отношения между церковью и ее служителем, как правило, рассматриваются не как работа по найму, а как режим *sui generis*. Это означает, что государственные суды некомпетентны рассматривать такие вопросы, как назначение/наем на работу, отставка/увольнение или внутренняя дисциплина духовенства. С другой стороны, государственные суды обычно компетентны рассматривать чисто материальные требования, такие как задолженность по выплате заработной платы. В некоторых случаях законодательство государств-участников разрешает, но не требует заключения трудового договора между церковью и ее служащими. Данный вопрос подпадает под юрисдикцию государственных судов только в том случае, если такой договор был заключен.

⁵ В семи государствах или юрисдикциях (Азербайджан, Армения, Болгария, Македония, Российская Федерация, Швеция, а также швейцарский кантон Женева) священнослужители трудоустраиваются на основе регулярных трудовых договоров, главным образом потому, что закон требует заключения подобных договоров. Случай с Болгарией является особенным, поскольку Верховный кассационный суд в общих чертах заявил, что существуют трудовые отношения с членами духовенства даже в отсутствие официального трудового договора. Это было сделано вопреки желанию Болгарской православной церкви, которая продолжает рассматривать свои отношения с духовенством как связь *sui generis*. Наконец, Бельгия и Турция также могут быть включены в эту категорию в том, что касается религиозных общин меньшинств («непризнанные» конфессии в Бельгии, немусульмане и немусульмане-сунниты в Турции).

⁶ В девяти государствах или юрисдикциях (Бельгия, Германия, Греция, Дания, Люксембург, Норвегия, Турция, Финляндия и швейцарский кантон Вале) финансовые и аналогичные отношения между доминирующими религиозными организациями и их служащими, с точки зрения властей государства, регулируются публичным правом. В большинстве случаев судебные дела могут быть возбуждены в административных судах, однако в некоторых государствах – в судах общей юрисдикции. Франция также относится к этой категории в отношении двух конкретных территориальных юрисдикций: Верхнего Рейна/Нижнего Рейна/Мозеля и французской Гвианы.

низации, исследование внутригосударственного законодательства и судебной практики выявляет существенные различия в тех или иных решениях вопросов: не только между различными государствами, но даже внутри некоторых из них. Только в семи из 39 обследованных государств суды не обладают юрисдикцией для рассмотрения таких исков. Во всех остальных случаях существует возможность судебной проверки законности и обоснованности решения, вынесенного в отношении священнослужителя, но по-другому и с другой интенсивностью. В пятнадцати юрисдикциях действует режим *sui generis* в отношении назначения или отстранения от должности религиозных служителей, однако суды страны, тем не менее, компетентны рассматривать имущественные иски. В семи юрисдикциях священнослужители работают на основе обычных трудовых договоров (что означает, что государственные суды правомочны рассматривать их иски), а в девяти юрисдикциях этот вопрос регулируется публичным правом (что в большинстве случаев означает, что административные суды правомочны рассматривать иски священнослужителей). И наконец, если суды страны правомочны рассматривать такие иски, то исполнение их решений обеспечивается в соответствии с общими правилами исполнения, как и любых других решений.

ЧАСТЬ II (§§ 22–43)

IV. Применимость статьи 6 Конвенции к имущественным спорам, касающимся духовенства (§§ 22–29)

(а) Недостатки мотивировки большинства судей (§§ 22–26)

22. В настоящем деле заявитель подал иск против Реформатской церкви Венгрии, требуя выполнения того, что он считал договорным обязательством по гражданскому праву. Ссылаясь на статьи 277 и 478 старого Гражданского кодекса¹, которые регламентировали агентские договоры, заявитель жаловался на невыплату ему церковью-ответчиком жалования. В обоснование своего требования о том, что указанное жалование должно считаться гражданским по своему характеру, заявитель представил заключение соответствующего налогового органа, которое подтвердило, что жалование, полученное в результате церковной службы, должно рассматриваться как доход, полученный от трудовой деятельности. В Европейском Суде заявитель недвусмысленно утверждал, что имело место процессуальное ограничение его права, в то время как власти Венгрии оспаривали

этот факт. Власти государства-ответчика сослались на Постановление Конституционного суда № 32/2003², касающееся иска о возмещении ущерба, предъявленного кальвинистским пастором, и вопроса о неприменимости положений трудового законодательства к этому делу.

23. Большинство судей Большой Палаты Европейского Суда тщательно избегают вопроса о характере ограничения права заявителя на доступ к правосудию. Ничего не говорится о характере решения Верховного суда от 28 мая 2009 г. Хотя суды нижестоящей инстанции действительно рассматривали вопрос о том, может ли договор заявителя с церковью толковаться как агентский договор по смыслу старого Гражданского кодекса, этого нельзя сказать о Верховном суде, который вынес решение по делу заявителя в качестве суда последней инстанции. Согласившись с выводом нижестоящих судов, Верховный суд, тем не менее, не отклонил иск заявителя по существу. Постановление по существу дела привело бы согласно упомянутой выше прецедентной практике Европейского Суда к значительному ограничению права на доступ к правосудию, в принципе не подлежащего проверке Европейского Суда. Вместо этого Верховный суд прекратил производство по делу на основании отсутствия компетенции, что являет собой процессуальное решение, предоставляющее церкви-ответчику *de facto* иммунитет от имущественных жалоб, предъявленных ее бывшим пастором³.

Причина упущения Большой Палаты Европейского Суда теперь очевидна. Рассмотрение острого вопроса, касающегося характера решения Верховного суда о прекращении дела и связанного с этим вопроса о характере ограничения права на доступ к суду, завело бы большинство судей в более мутные воды. Игнорирование данных вопросов позволило большинству судей легко прийти к предпринятому выводу о том, что требование заявителя не относится к гражданскому праву. В действительности большинство судей с самого начала своих рассуждений предполагали, что заявитель должен был представить свое требование в церковные суды, как это ясно из начала мотивировки Большой Палаты Европейского Суда в § 69 настоящего Постановления. В очередной раз совершенно очевиден ошибочный характер традиционного различия, проводимого Европейским Судом между иммунитетами от ответственности и от иска. *Quod erat demonstrandum*⁴.

² См. § 29 настоящего Постановления

³ Разреши Верховный суд Венгрии спорные вопросы как факта, так права, поставленные сторонами, и согласись он с нижестоящими судами, он поддержал бы в своем решении их выводы. Вместо этого Верховный суд отменил обжалуемое решение и прекратил производство по делу.

⁴ *Quod erat demonstrandum* (лат.) – что и требовалось доказать (примеч. редактора).

¹ См. § 17 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

24. Что более важно, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда, подобно Верховному суду, неправильно поняли Постановление Конституционного суда № 32/2003, как отметил мой ученый коллега судья Шайо в своем отдельном мнении. Постановление Конституционного суда требовало, чтобы внутригосударственные суды рассмотрели вопрос о том, в какой степени правовые отношения «лица, служащего церкви», с этой церковью также регулируются государственным законом. Таким образом, это не исключает, что оба вида законов, церковные и государственные, могут быть применимы к одному и тому же правоотношению¹. Кроме того, Конституционный суд не был призван решать в своем Постановлении, может ли такая ситуация, как ситуация в деле заявителя, быть квалифицирована как агентский договор по смыслу старого Гражданского кодекса. В связи с этим согласно фактам дела заявителя суды Венгрии должны были прежде всего решить, могло ли его требование, сформулированное в судах, быть признано гражданским правом лица по смыслу законодательства страны. Таким образом, в самом начале разбирательства возник подлинный и серьезный спор по поводу существования права, на которое заявитель претендовал в соответствии с внутригосударственным законодательством.

25. В качестве вопроса конституционного права страны, как истолковано в Постановлении № 36/2003 Конституционного суда, Верховный суд должен был определить, применим ли также государственный закон к иску заявителя, но он этого не сделал, просто предположив, что иск заявителя относится к церковному вопросу и, следовательно, регулируется только церковным правом. Решение Верховного суда о том, что материальный иск заявителя как церковный вопрос не подлежит рассмотрению в государственных судах, не может сделать жалобу заявителя ретроспективно недоказуемой². Большинство судей Большой Палаты Европейского Суда потворствуют этому предположению и, таким образом, неверному толкованию Верховным судом постановления Конституционного суда³. Иначе говоря, большинство судей Большой Палаты Европейского Суда игнорируют собственный принцип Европейского Суда, согласно которому

статья 6 Конвенции применяется независимо от статуса сторон, характера законодательства, регулирующего порядок разрешения спора, или характера органа, обладающего юрисдикцией в данном вопросе⁴.

26. Явно не имеет значения то, что большинство судей сослались в этой связи на Статуты Реформатской церкви Венгрии, такие как Статут 1994 года № II и Статут 2000 года № I⁵, как будто они могли быть основанием для вывода о том, что церковный договор между заявителем и церковью-ответчиком не был исполним в силу статьи 7 и подпункта «с» пункта 1 статьи 204 Гражданского кодекса⁶. Большинство судей не заходили так далеко, чтобы подтвердить это прочтение законодательства страны категорически, но они, безусловно, создали впечатление, что это их собственное прочтение законодательства страны, помещая ссылку на Статуты церкви между своим толкованием Постановления Конституционного суда № 23/2003, приведенным в § 67 настоящего Постановления, и своим предпрешенным выводом, содержащимся в § 69 настоящего Постановления, о том, что заявитель должен был обратиться в церковные суды со своими материальными исками, как только он был уволен с пастырской службы. Если это было бы прочтением большинством судей законодательства страны, это противоречило бы букве и духу данных норм, которые допускают, чтобы только Акт Парламента, а не Статут церкви делал бы то или иное требование не способным быть принудительно исполненным.

(b) Принципиально альтернативная мотивировка (§§ 27–29)

27. При установлении наличия гражданского права человека во внутригосударственном законодательстве на доказуемых основаниях значимый вопрос, которым должен задаться Европейский Суд, это не определение, является ли ограничение по своему характеру материально-правовым (абсолютным) или процессуальным (относительным). Как я уже показал выше, это неправильный вопрос. Правильный вопрос заключается скорее в следующем: имел ли бы заявитель основания для иска, если бы не конкретное внутригосударственное ограничение, на которое сослался ответчик? Когда субъективное право, утверждаемое истцом, может вообще иметь место согласно внутригосударственному законодательству, будет существовать гражданское право человека во внутригосударственном законодательстве на доказуемых

¹ По словам Конституционного суда: «государственные органы в соответствии с Конституцией и законами, указанными в Законе о церковном законодательстве, должны определять, относится ли вопрос, возникший в связи с тем или иным отношением, к компетенции государственного органа или суда. Следовательно, они должны определять согласно внутригосударственному законодательству, существуют ли в конкретном случае правовые отношения между сторонами в соответствии с законодательством государства».

² См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», § 89.

³ См. §§ 70 и 73 настоящего Постановления.

⁴ См. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Георгиадис против Греции», § 34, «Микалlef против Мальты», § 74, «J.S. и A.S. против Польши», § 46.

⁵ См. § 68 настоящего Постановления.

⁶ См. там же.

основаниях, и иммунитет необязательно приведет к уничтожению основания иска. Это принципиальное рассуждение («по крайней мере, в принципе») сформулировано судьей Мартенсом по делу «Файед против Соединенного Королевства» в следующих выражениях:

«Нет никаких сомнений в том, что право заявителей на репутацию было нарушено. Независимо от того, закреплено ли право на репутацию в статье 8 Конвенции, не имеет существенного значения то, что такое право существует, по крайней мере, в принципе, во всех наших внутригосударственных законах, и не утверждалось, что в этом отношении английское право делает исключение путем четкого и полного исключения такого права. Кроме того, не может быть сомнений в том, что право на репутацию является “гражданским” правом в автономном смысле данного понятия согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции. Из этого следует, что в соответствии с данным положением каждый раз, когда причиняется ущерб репутации какого-либо лица, оно в принципе имеет право на доступ к правосудию, отвечающему его требованиям. Следовательно, вопрос о том, является ли в соответствии с английским правом защита ссылкой на привилегию существенным ограничением содержания права на репутацию или процессуальным барьером для доступа к суду, не имеет значения»¹.

Соответственно, статья 6 Конвенции применяется ко всем правам, которые в целом признаются в правовой системе страны.

Установив, что такое общее право существует, коллизия между конкретно упоминаемым внутригосударственным иммунитетом и правом на доступ к суду более не будет являться вопросом применимости статьи 6 Конвенции, а будет вопросом, подлежащим рассмотрению в рамках критериев законной цели и пропорциональности.

28. Применение судьей Мартенсом принципиального критерия «если бы не» в отношении проверки фактов настоящего дела дает ясный ответ на проблему применимости статьи 6 Конвенции. Материальная жалоба заявителя была основана на выплате жалования за период временного отстранения от должности и задолженности по выплате вознаграждения за его деятельность в качестве преподавателя и, таким образом, на правах, которые, как правило, признаются в законодательстве Венгрии как подлежащие исполнению в государственных судах². Поскольку заявитель предъявил

¹ См. мнение судьи Мартенса, приложенное к упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства».

² Это положение принимается властями государства-ответчика в своих замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда (см. ответ на вопрос 2 Европейского Суда): «Теоретически церкви и ее священнослужителям не возбраняется правом Венгрии заключать трудовые или гражданско-правовые договоры на выполнение пастырских обязанностей, однако действительность такого договора будет зависеть от обоюдного согласия сторон и характера пастырских обязательств, особенно их соответствия закону. Тогда

иск, основанный на правах, которые обычно признаются в законодательстве страны, у него были основания для иска, если бы не конкретное внутреннее ограничение, на которое ссылалась церковь-ответчик. Тот факт, что заявитель получал ежемесячно жалование, выплачиваемое церковью-ответчиком, был официально признан в качестве дохода от занятости по смыслу статей 24–27 Закона о налоге на личный доход, и являлся дополнительным существенным признаком того, что иск заявителя относился к общепризнанным правам во внутригосударственном законодательстве³. Следовательно, заявитель имел «право» по смыслу целей статьи 6 Конвенции.

29. Что касается вопроса о том, может ли право, как утверждает заявитель, рассматриваться как имеющее «гражданский» характер, то следует отметить, что лишь демонстрация того, что спор является «имущественным», не является сама по себе достаточной для привлечения применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции в его «гражданско-процессуальном» аспекте⁴, но и споры, связанные с чисто экономическими правами, такие как выплаты заработной платы, имеют гражданско-правовой характер⁵. Однако учитывая, что именно данный момент находился в центре спора по делу заявителя по тем же причинам, что и выше, можно предположить, что в начале его разбирательства заявитель имел доказуемую жалобу о том, что его требование было по своему характеру «гражданским». Соответственно, статья 6 Конвенции была применима к иску заявителя против Реформатской церкви Венгрии.

V. Применение статьи 6 Конвенции в настоящем деле (§§ 30–43)

(a) Пределы усмотрения властей государства-ответчика (§§ 30–32)

30. Установив, что статья 6 Конвенции применима в настоящем деле, необходимо проверить законность цели и пропорциональность конкретного упоминаемого внутреннего иммунитета. Слу-

все аспекты их служебных отношений будут регулироваться государственным правом (трудовым или гражданским правом, в зависимости от договора, заключенного сторонами по взаимному согласию), и государственные суды будут обладать юрисдикцией для определения любого последующего юридического спора между сторонами».

³ Таким образом, аргумент большинства судей, основанный на идее «автономии налогового права» (см. § 73 настоящего Постановления), просто не попадает в точку.

⁴ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Ферраzzини против Италии» (Ferrazzini v. Italy), жалоба № 44759/98, § 25, ECHR 2001-VII.

⁵ В этом состояла прецедентная практика Европейского Суда со времени вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Никодемо против Италии» (Nicodemo v. Italy) от 2 сентября 1997 г., жалоба № 258397/94, § 18.

жит ли иммунитет, на который ссылаются власти государства-ответчика, законной цели, должно быть оценено в целом. При оценке того, является ли предоставление предполагаемого иммунитета соразмерным вмешательством в осуществление права заявителя на доступ к правосудию, должны учитываться факты дела. Вот почему «чем шире иммунитет, тем более убедительным должно быть его обоснование»¹. Хотя государства обладают определенными пределами усмотрения при определении соразмерности иммунитета, пределы этого усмотрения должны учитывать наличие или отсутствие европейского консенсуса в отношении конкретного внутреннего иммунитета, на который ссылаются власти государства-ответчика².

31. Европейский Суд ранее указывал, что, учитывая широкий спектр конституционных моделей, регулирующих отношения между государствами и религиозными конфессиями в Европе, государствам в принципе должно быть предоставлено широкое усмотрение в этой сфере³. Согласно приведенным выше сравнительным правовым данным между государствами-членами существуют столь же значительные отличия в различных решениях, принятых в области регулирования доступа духовенства к государственным судам. Тем не менее явное большинство государств – членов Совета Европы допускают определенную судебную проверку вопросов, касающихся имущественных требований духовенства, хотя по-разному и в различной степени. Если говорить конкретнее, то в 15 юрисдикциях установлен режим *sui generis* в отношении назначения или отстранения от должности религиозных служащих, однако государственные суды, тем не менее, в определенной степени правомочны рассматривать имущественные иски. Еще в семи юрисдикциях священнослужители работают на основе обычных трудовых договоров, а в других

девяти юрисдикциях данный вопрос регулируется публичным правом.

32. Таким образом, только семь из 39 исследованных государств-членов полностью исключают любую юрисдикцию государственных судов по рассмотрению имущественных требований духовенства. При таких обстоятельствах следует соответственно ограничить усмотрение в настоящем деле.

(b) Критерии правомерной цели и пропорциональности меры (§§ 33–43)

33. Власти государства-ответчика указали, что законной целью ограничения доступа заявителя к правосудию является конституционный принцип разделения церкви и государства, который требует от последнего не вмешиваться во внутренние дела первого. По мнению властей государства-ответчика, свобода вероисповедания и церковная автономия запрещают государственным властям оценивать законность церковного права, и от них нельзя ожидать приведения в исполнение таких законов. В любом случае власти Венгрии утверждали, что статья 9 Конвенции обязывает государство воздерживаться от вмешательства в служебные отношения между церковью и ее священнослужителями, поскольку, «говоря языком пропорциональности невмешательства, власти государства-ответчика указывают, что личные имущественные интересы не могут превалировать над общими интересами религиозной общины (автономия церкви) или общества в целом (принцип светскости)»⁴. В этой связи заявитель выразил несогласие с утверждением о том, что чисто финансовые споры не касаются церковной автономии, так как они не оказывают влияния на религиозную практику и не затрагивают организацию церкви.

34. В зависимости от правового порядка конкретной страны религиозные организации пользуются более широкой или узкой автономией, необходимой для их надлежащего функционирования. Автономное существование религиозных общин является неотъемлемой частью плюрализма в демократическом обществе и, таким образом, находится в центре защиты, обеспечиваемой другим положением Конвенции, а именно статьей 9 Конвенции⁵. Следовательно, церковная автономия может быть признана законной целью, преследуемой ограничением права заявителя на доступ к правосудию⁶.

35. Далее необходимо рассмотреть вопрос о том, могло ли использование идеи церковной автоно-

¹ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карт против Турции» (Kart v. Turkey), жалоба № 8917/05, § 83, ECHR 2009, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А против Соединенного Королевства», § 78.

² Если большинство судей Большой Палаты Европейского Суда хотели сохранить логически ошибочное различие между материальным и процессуальным иммунитетом, как это видно из § 61 настоящего Постановления, данное дело должно в любом случае быть рассмотрено исходя из предположения о том, что имело место процессуальное ограничение права заявителя на доступ к правосудию, поэтому оно должно быть проверено с точки зрения того, во-первых, преследовало ли ограничение законную цель, и, во-вторых, было ли оно соразмерным этой цели. Прежде, чем приступить к анализу пропорциональности, важно установить пределы усмотрения государства в настоящем деле. И здесь большинству судей нечего предложить, кроме оглушительного молчания.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Профсоюз «Добрый Пастырь» против Румынии» (Sindicatul «Păstorul cel Bun» v. Romania), жалоба № 2330/09, § 171, ECHR 2013 (извлечения).

⁴ См. пункт 45 упомянутых выше замечаний властей государства-ответчика, с. 26.

⁵ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 127.

⁶ См. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Мюллер против Германии».

мии в конкретных обстоятельствах оправдать отказ государственных судов рассматривать дело заявителя. Европейский Суд ранее приходил к выводу, что уважение автономии религиозных общин исключает какую-либо дискреционную власть со стороны государства, (а) чтобы определить, являются ли религиозные убеждения или средства, используемые для выражения таких убеждений, законными¹, (б) обязать религиозные общины принимать или исключать индивида или вверять кому-то ту или иную религиозную обязанность², или (с) выступать в качестве арбитра между религиозными общинами³. Это не означает, что Европейский Суд признал неограниченный иммунитет от юрисдикции государства религиозных общин, действующих на его территории.

36. В Венгрии отношения между государством и религиозными общинами в соответствующее время регулировались Законом о церкви 1990 года, который в самом общем плане предусматривал, что «Не может быть использовано государственное принуждение для обеспечения соблюдения внутренних законов и правил церкви». Толкование конституционного принципа разделения церкви и государства можно найти в Постановлении Конституционного суда № 32/2003 (VI.4.) AB, на которое ссылались как власти государства-ответчика, так и заявитель.

Конституционный суд Венгрии указал, что государственные суды обязаны выносить решения по существу правовых споров, касающихся регулируемых государственным законом прав и обязанностей лиц, находящихся на службе церкви, при уважении церковной автономии. Однако при этом Конституционный суд не стремился сбалансировать гарантированное Конституцией право доступа к правосудию таких лиц, как заявитель, церковная служба которого не основывалась на государственном законе, но, тем не менее, он предъявил гражданский иск против церкви, с правом этой церкви на автономию. Фактически Конституционный суд Венгрии оставил такое взвешивание интересов на усмотрение «государственных органов», иными словами, обычных судов и, в конечном счете, Верховного суда⁴.

37. На этом фоне судам Венгрии по делу заявителя было предложено тщательно взвесить его личные интересы с учетом всех обстоятельств и угрозы для церковной автономии, которую представляло его имущественное требование⁵. Как Европейский Суд постановил в контексте конфликта между другими правами, а именно правами по статьям 8 и 11 Конвенции⁶ и правом на церковную автономию в соответствии со статьей 9 Конвенции, простого предположения о том, что имеется фактическая или потенциальная угроза автономии религиозного сообщества, коль скоро это сообщество является ответчиком по делу в суде по гражданским делам, на мой взгляд, не будет достаточно, чтобы оправдать любое вмешательство в осуществление человеком своих прав в соответствии с требованиями Конвенции. Внутригосударственные суды, включая Верховный суд, должны также доказать, с учетом обстоятельств конкретного дела, что предполагаемый риск для церковной автономии был реальным и существенным и что оспариваемое ограничение права на доступ к правосудию не выходило за рамки того, что необходимо исключить такой риск, и не служило иной цели, не связанной с осуществлением религиозной общиной своей автономии⁷. Иными словами, суды страны обязаны проводить углубленное изучение обстоятельств дела и тщательно уравнивать различные интересы, о которых идет речь по делу⁸.

38. Что касается фактического риска для автономии церкви-ответчика в настоящем деле, то следует отметить, что в деле заявителя речь не шла о продолжении его церковного служения, вопрос, который, несомненно, повлиял бы на внутреннее функционирование церкви⁹. В отличие от предыдущих дел о духовенстве, рассмотренных Европейским Судом, заявитель в настоящем деле просто просил взыскать в его пользу невыплачен-

следующей цели.. Государственные органы... должны определять в соответствии с внутригосударственным законодательством, существуют ли в конкретном случае между сторонами правовые отношения, регулируемые законодательством государства, и, если ответ утвердительный, они должны определить соответствующую процедуру для следования».

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria), жалоба № 30985/96, §§ 62 и 78, ECHR 2000-XI.

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Свято-Михайловский приход против Украины» (Svyato-Mukhaylivska Parafiya v. Ukraine) от 14 июня 2007 г., жалоба № 77703/01, § 146

³ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый Пастырь” против Румынии», § 165.

⁴ См. Постановление Конституционного суда № 32/2003: «основополагающее право на доступ к суду... не несет с собой неограниченного права на подачу судебного иска... Любые ограничения должны быть необходимы и соразмерны пре-

⁵ См., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», § 99.

⁶ См. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Фернандес Мартинес против Испании», § 132, «Профсоюз “Добрый Пастырь” против Румынии», § 159.

⁷ См., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый Пастырь” против Румынии», § 159.

⁸ См. Постановление Европейского Суда по делу «Шют против Германии» (Schüth v. Germany), жалоба № 1620/03, § 59, ECHR 2010.

⁹ Как решили суды страны и было принято Европейским Судом, например, в упоминавшемся выше Решении по делу «Ройтер против Германии» и по жалобе «Бодлер против Германии».

ное жалование за службу, на которое, как он полагал, он имел право за время своего временного отстранения от должности. Вряд ли данный вопрос повлиял на автономию Реформатской церкви Венгрии¹.

39. В любом случае Верховный суд не смог полностью оценить вопрос о том, представляет ли иск заявителя какую-либо реальную и существенную угрозу для автономии церкви-ответчика, как объяснялось выше. Вместо этого он пришел к выводу на формальных основаниях о том, что, поскольку никакое государственное принуждение не может использоваться для обеспечения соблюдения внутригосударственных законов и правил церквей, иск заявителя не подпадает под юрисдикцию государственных судов. Сделав такой вывод, Верховный суд предоставил *de facto* иммунитет церкви-ответчику по целому ряду имущественных исков, поданных его духовенством, который необязательно может быть соразмерен с правом отдельного лица на доступ к правосудию.

40. Вышеизложенный факт был однозначно признан властями государства-ответчика в его замечаниях, где они сравнивали иммунитет церквей с иммунитетом, предоставляемым международным организациям². Как указывалось Европейским Судом ранее, предоставление привилегий и иммунитетов международным организациям является важным средством обеспечения их надлежащего функционирования без одностороннего вмешательства со стороны отдельных правительств³. Как религиозные общины, так и международные организации имеют одну общую черту, а именно Европейский Суд признал, что защита основных прав может иметь последствия даже в тех случаях, когда государства создают международные организации для продолжения или укрепления своего сотрудничества в определенных областях деятельности и когда они наделяют эти организации некоторыми полномочиями и предоставляют им иммунитеты⁴. Иммунитет международных организаций может служить соразмерным ограничением права на доступ к правосудию, если в организации существуют альтернативные средства правовой защиты для предъявления иска и если эти средства являются адекватными, а именно, что спор может быть рассмотрен альтернативным судом, состо-

ящим из независимых, юридически квалифицированных членов, справедливым образом. То же самое должно обязательно относиться и к религиозным общинам, действующим в пределах определенной страны. *A fortiori*⁵ существенным фактором при определении того, является ли предоставление Реформатской церкви Венгрии иммунитета от юрисдикции Венгрии по имущественному вопросу, такому как вопрос заявителя соразмерным в силу статьи 6 Конвенции, было бы то, имел ли заявитель в своем распоряжении альтернативные средства эффективной защиты своих прав⁶.

41. Европейский Суд никогда не рассматривал вопрос о церковных судах или о качествах, которыми такие суды должны обладать для того, чтобы быть признанными в качестве альтернативного средства правовой защиты по гражданскому иску лица. Однако он рассматривал несколько ситуаций, которые могут послужить источником вдохновения при современных обстоятельствах. Например, Европейским Судом было признано, что во многих государствах-членах обязанность выносить решения по дисциплинарным правонарушениям возлагается на юрисдикционные органы профессиональных объединений. Хотя Европейский Суд установил, что наделение полномочиями таким образом само по себе не нарушает Конвенцию, он признал, что Конвенция, тем не менее, требует наличия хотя бы одной из следующих двух систем: либо юрисдикционные органы сами должны соответствовать требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, или они должны быть предметом последующего контроля со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой полномочий и применяющего гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции⁷. В отношении арбитражных дел Европейский Суд применял аналогичный принцип, предусмотренный законом, который также требует наличия альтернативной площадки для разрешения споров, обеспечивающей процессуальные гарантии по статье 6 Конвенции⁸. Тот же стандарт должен применяться *mutatis mutandis* и к церковным судам.

⁵ *A fortiori* (лат.) – с большим основанием, с большей убедительной силой, тем более (примеч. редактора).

⁶ См., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии», § 68. В этой связи отмечу, что сам Верховный суд прямо сослался на возможность подачи заявителем своего иска в церковный суд.

⁷ См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Альберт и Ле Конт против Бельгии» (Albert and Le Compte v. Belgium), 10 февраля 1983 г., § 29, Series A, № 58, и Постановление Европейского Суда по делу «Готрен и другие против Франции» (Gautrin and Others v. France) от 20 мая 1998 г., § 57, Reports 1998-III.

⁸ Аналогия с арбитражными делами была поднята в пунктах 32 и 33 упомянутых выше замечаний властей государства-ответчика, с. 19 и 20. См. полное описание принципов в Постановлении Европейского Суда по делу «Суда против

¹ См. мое мнение по делу «Крупко и другие против Российской Федерации» (Krupko and Others v. Russia) от 26 июня 2014 г., жалоба № 26587/07 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 10 (примеч. редактора)).

² См. пункт 36 упомянутых выше замечаний властей государства-ответчика, с. 21.

³ См., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии», § 63.

⁴ См. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Фонд матерей Сребреницы и другие против Нидерландов», § 139.

42. В этой связи заявитель поднял законный вопрос о беспристрастности церковного суда, который был бы правомочен рассматривать его дело. Согласно соответствующим положениям Статута 2000 года № I о юрисдикции Реформатской церкви Венгрии настоятель церковного района Северного Пешта, который ранее возбудил дисциплинарное разбирательство в отношении заявителя, вместе с куратором будет правомочен решать, возбуждать ли какое-либо разбирательство на основании имущественного требования заявителя или отклонить его как необоснованное. Кроме того, даже если, в конечном счете, было бы возбуждено судебное разбирательство, настоятель церковного района и куратор Северного Пешта приняли бы решение о составе трибунала, которому было бы поручено вынести решение по существу иска заявителя. Это, бесспорно, поставило бы под сомнение совместимость церковного суда с требованием беспристрастности, гарантируемым статьей 6 Конвенции.

43. Кроме того, пользуясь аргументом по поводу неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты, власти государства-ответчика также утверждали, что заявитель мог настаивать в судах Венгрии о внедоговорной деликтной ответственности церкви-ответчика или представлять любые другие доводы, которые не связаны с существованием договора. Тем не менее власти государства-ответчика не смогли доказать, что такое переформулированное требование будет иметь какие-либо перспективы успеха. Довольно противоречиво власти Венгрии также утверждали в настоящем деле, что права духовенства были превращены в простые обещания, в противном случае сама церковная автономия может оказаться под серьезным риском¹. В нейтральном по отношению к религии государстве наихудшим возможным способом защиты церковной автономии является лишение священников и пасторов, имамов и раввинов защиты закона. Их достоинство как личностей не приостанавливается, когда они начинают религиозную жизнь. Понятие церковной автономии не может быть использовано в качестве козыря против всех других конкурирующих притязаний, иначе на карту будет поставлено человеческое достоинство тех, кто служит церкви.

VI. Заключение (§ 44)

44. С учетом вышеизложенного заявитель не располагал альтернативным судебным механизмом для урегулирования своего дела. Фактически в ситуации, когда внутригосударственные суды

отказались от компетенции принимать решения по его имущественному иску, вытекающему из церковной службы, без надлежащего уравнивания его права на доступ к суду и потенциального риска для автономии церкви-ответчика, и, таким образом, исключив из юрисдикции государства целый ряд гражданских исков духовенства, власти Венгрии фактически оставили заявителя без возможности того, чтобы его иск был представлен судье для вынесения судебного решения способом, который противоречил принципу верховенства права в демократическом обществе и основному принципу, лежащему в основе пункта 1 статьи 6 Конвенции. Можно сказать, что такое положение дел в нарушение статьи 6 Конвенции умаляет саму суть права заявителя на обращение в суд.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АЛЕША ПЕЙХАЛА

При чтении настоящего Постановления, за которое проголосовали большинство судей в Большой Палате Европейского Суда, фундаментальные вопросы приходят назойливо на ум. Возможно ли и в то же время с человеческой точки зрения в рамках самой простой концепции гуманности принять такое решение? Иными словами, возможно ли, что гражданин государства – члена Совета Европы может оказаться вне юрисдикции этого государства-члена (и, следовательно, вне юрисдикции Конвенции) в отношении судебного разбирательства, касающегося единственного дохода, полученного им и его семьей, поскольку эта ситуация объясняется только тем фактом, что противной стороной в иске является церковь? Церковь, зарегистрированная таким государством, то есть церковь, которая обязана соблюдать закон этого государства, в противном случае государством будет отказано в ее регистрации. Является ли такое положение терпимым и, следовательно, приемлемым не только для заявителя, но и для церкви как другой стороны спора? В то же время является ли это терпимым и, соответственно, приемлемым для сообщества свободных граждан, составляющих государство Венгрия? Имеет ли это Постановление на самом деле место в современной европейской цивилизации?

Может ли ответ быть «да», большинство судей ошибаются? Разве это не просто проявление моей гордости и непонимания, принимая во внимание неоспоримое осознание того факта, что мои коллеги подошли к делу, как всегда, абсолютно добросовестно и ответственно? Осознавая свою ответственность и добросовестность, нет другого пути, кроме как не согласиться и занять отличную позицию.

На рассмотрении нашего Суда находятся дела, которые не могут быть отклонены только со ссылкой на прецедентную практику, хотя такой метод

Чешской Республики» (Suda v. Czech Republic) от 28 октября 2010 г., жалоба № 1643/06, § 49.

¹ См. с. 29 упомянутых выше замечаний властей государства-ответчика.

представляется правильным в подавляющем большинстве случаев. То есть со ссылкой на уже существующее толкование Конвенции и Протоколов к ней в аналогичных делах, но никогда полностью не совпадающих с текущим делом. Это одно из тех исключительных дел, которые требуют рассмотрения в силу текста Конвенции, истолкованной самым сдержанным образом.

Почему была принята Конвенция? Прежде всего потому, что Высокие Договаривающиеся Стороны

«...подтверждают свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены».

По этим причинам:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

История заявителя довольно проста. В течение многих лет он жил в небольшом городке в Венгрии, в котором он, будучи пастором, исполнял обязанности для своей церкви, которая выплачивала ему жалование. Договор, который он заключил с церковью, гарантировал ему не только доход, но и проживание в доме с садом, где он жил со своей семьей. Церковь считала заявителя своим служащим, и он верил в то же самое. В конце концов, он не мог поверить иначе, ибо церковь заявила, и все еще заявляет, на своем официальном сайте (<http://www.reformatus.hu/english>), что «Реформатская церковь Венгрии насчитывает 7 500 служащих, из которых 1 550 являются священнослужителями».

Однажды заявитель вступил в конфликт со своей церковью, которая приняла против него дисциплинарные меры. В течение нескольких месяцев он не мог выполнять свои пастырские обязанности в полном объеме и согласно церковным правилам имел право только на получение половины от своего регулярного дохода. Смирно принимая наказание, заявитель и его семья были готовы потерпеть некоторое время. Но он не получил ничего другого от своей церкви.

Заявитель с доверием обратился к государству, гражданином которого являлся, обратившись за помощью в решении своей проблемы через суд. Он ожидал, что суд будет стремиться к урегулированию спора между ним и церковью или в противном случае вынесет решение по их спору. Его доверие было оправдано. Он знал, что Конституция Венгрии гласит следующее:

«В Венгерской Республике все равны перед законом, и каждый имеет право на то, чтобы выдвинутые против него любые обвинения или его права и обязанности в любом процессе, были рассмо-

трены на справедливом и открытом заседании независимого и беспристрастного суда, установленного законом».

И он также знал, что Конституция Венгрии предусматривает следующее:

«(1) В Венгерской Республике каждый имеет право на труд, на свободный выбор профессии и рода занятий».

(2) За равный труд, без какого-либо различия, каждый имеет право на равную заработную плату».

(3) Каждый трудящийся имеет право на такой доход, который соответствует количеству и качеству выполненного им труда».

Он даже знал о таком положении:

«(1) В Венгерской Республике каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии».

(2) Это право включает в себя свободный выбор или принятие религии либо другого духовного убеждения и свободу проявления своей веры и убеждения или игнорирование такого проявления, отправление или проповедование посредством свершения религиозных действий, обрядов или другим образом как индивидуально, так и совместно с другими, открыто или в частном кругу».

(3) В Венгерской Республике церковь действует отдельно от государства».

Заявителем в установленном порядке были выплачены государству все подоходные налоги в отношении заработной платы, которую он получал от церкви.

Заявитель мог знать о том факте, что в Венгрии государство и церковь согласно Конституции отделены друг от друга, но он мог бы также логически придерживаться мнения, что он сам не был церковью. Он как служащий церкви фактически находился в конфликте с церковью. Кто еще, кроме независимого и беспристрастного суда, к которому каждый имеет право обратиться в соответствии с Конституцией, мог бы найти решение спора для гражданина Венгрии? Однако суды Венгрии отказались рассматривать дело заявителя, поскольку оно якобы не относилось к их юрисдикции. Это и есть вся история. С точки зрения Конвенции, больше нечего говорить.

Остается напомнить, что общая норма толкования международных договоров, которая предусмотрена в Венской конвенции о праве международных договоров, в пункте 1 статьи 31, гласит следующее:

«Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».

Действительно, можно ли найти толкование Конвенции по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров, которое не позволило бы заявителю заявить о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции?

Разве можно найти такое толкование Конвенции по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров, которое должным образом обосновало бы предполагаемое нарушение права на свободу мысли, совести и религии (статья 9 Конвенции) неустановленного лица при том, что нарушение состоит в том, что спор заявителя с церковью, касающийся исключительно имущественного вопроса, будет рассматриваться судом по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции? Как можно даже доказать существование свободы мысли, совести и религии юридического лица, такого как церковь?

Разве можно найти такое толкование Конвенции по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров в деле, в котором Европейский Суд, а также суды государства-члена, которое является демократическим государством, основанным на принципе верховенства права, не обращает внимания на спор, касающийся элементарных средств к существованию заявителя и его семьи? Действительно, можно ли так интерпретировать отделение церкви от государства и оставить в стороне достойного гражданина демократического правового государства?

На все эти вопросы уже подробно ответили в прошлом.

Джон Ролз (*John Rawls*) в своей работе «Теория справедливости» указал следующее:

«Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Теория, как бы она ни была элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы. Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе

должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны являться предметом политического торга или же калькуляции политических интересов. Единственное, что позволяет нам неохотно принимать ошибочную теорию – это отсутствие лучшей теории. Аналогичным образом несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать еще большей несправедливости. Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, истина и справедливость бескомпромиссны».

Фридрих Август фон Хайек (*Friedrich August von Hayek*) в своей работе «Право, законодательство и свобода» сказал следующее:

«Такие состояния, как “право собственности”, не имеют никакого значения, кроме как посредством правил поведения, которые относятся к ним; оставь эти правила справедливого поведения, которые относятся к праву собственности, и от него ничего не останется».

Герберт Лайонел Адольфус Харт (*Herbert Lionel Adolphus Hart*) в своей работе «Концепция права» писал:

«Можно сказать, что различие между хорошей правовой системой, которая в определенных моментах соответствует морали и справедливости, и правовой системой, которая этого не делает, является ошибочным, поскольку минимум справедливости обязательно реализуется каждый раз, когда поведение человека контролируется общими правилами, публично объявленными и применяемыми в судебном порядке. Действительно, мы уже указывали, анализируя идею справедливости, что его самая простая форма (правосудие в применении закона) состоит не более чем в серьезном восприятии понятия о том, что то, что должно применяться к множеству разных лиц в одной и той же общей норме, не подверженной предрасудкам, интересам или капризам».

Ввиду вышеизложенного трудно согласиться с мнением большинства судей о том, что в деле заявителя власти государства-ответчика не нарушили пункт 1 статьи 6 Конвенции, поскольку обратное является абсолютно неопровержимым фактом. В то же время это заявление является проявлением глубочайшего смирения по отношению к существующей системе международного права и конституционному правопорядку Венгрии в рамках спонтанного порядка свободных граждан.